РУСЬ СВЯТАЯ, ХРАНИ ВЕРУ ПРАВОСЛАВНУЮ! АЛЬМАНАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ОБЩЕСТВЕННОСТИ РОССИИ

Православная Газета

для простых людей

№1 (109) 2017 г.

ОДОБРЕНО СИНОДАЛЬНЫМ ИНФОРМАЦИОННЫМ ОТДЕЛОМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
Свидетельство № 084 от 3 мая 2011 г.

№1 (109) 2017 г. • ВЫХОДИТ С АПРЕЛЯ 1996 г.

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ВЛАДИМИРСКОГО И СУЗДАЛЬСКОГО ЕВЛОГИЯ

«Снисхождение к злу очень тесно граничит с равнодушием к добру...»

Николай Лесков

БЛАГОДАТЬ ЗА ЗАСЛУГИ?

Сегодня в очередной раз услышал расхожий в православии тезис о том, что благодать Божию нужно зарабатывать различными трудами: аскезой, милостыней и т.п.

За этим стоит и языческое **do ut des** (даю, чтобы ты дал), и «материализация» благодати, и утрата исконного значения самого слова «благодать», которая в Новом Завете — не некая энергетическая субстанция, а дар от Бога — дар не за заслуги, а просто по Его щедрости. Насколько я понимаю апостольские писания, в них говорится не о подарке за заслуги. Бог дает нам в дар очищение от грехов и свободу от их влияния на нас, дарит нам даже Своего Духа, и все это без всяких заслуг с нашей стороны. Единственное, что зависит от наших усилий — не угашать этот дар и не мешать ему проявляться в нас, именно в этом смысл и оправдание аскетизма. Я многого не знаю, но точно знаю, что наш Бог — не скупердяй и не торговец собственными дарами.

«*Как ни гнусен большевизм, можно мыслить нечто еще более гнусное — большевизм во имя Христа,* — подчеркивал обличавший современное ему евразийство и как будто предвидевший духовно-исторические искушения России 1990 гг. Г.П. Федотов. — *Методы ГПУ на службе у Церкви были бы в тысячу раз отвратительнее тех же методов на службе у безбожия, потому что есть внутреннее сродство между целью и средством, между верой и жизнью, между идеей и политикой. Оттого мы относимся с таким ужасом к увлечению большевистскими методами в христианском стане. Евразийство у власти, управляющее по большевистской системе, могло бы реабилитировать даже большевизм*».

Владимир Шолох
https://www.youtube.com/watch?v=lLw_JXkieIM

ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

ГРЕШНЫЕ И «СВЯТЫЕ» ОТЦЫ

«Недавно присутствовала на отпевании. Отпевал новый батюшка. Слышу за спиной такой диалог. Одна бабушка говорит: "*Ты представляешь, подхожу к нему и говорю "святой отец". А он мне "Я не святой. Я грешный"*". Другая в ужасе: "*Кошмар!!!!!! Так и сказал?? Ой-ой! Как же так?! Грешный! Да зачем же нам такого прислали!?*" — "*Дак, наверно, что сделал — так его к нам и отправили!*"

Помолчали. Подумали. Опять шепот: "*Это он грешный, потому что у него дети есть*". — "*Ну да! Какой же он святой, если дети!*"

Тут не выдержала еще одна бабушка и с тяжким вздохом закончила обсуждение: "*Это у них в Церквах нормальных батюшек не хватает. Вот и не выгоняют они грешных... А за границей все батюшки — святые отцы. Я по телевизору видела!*"».

НАПРЯМУЮ

И в будущей жизни христианин не будет испытуем, отрекся ли он мира, постился ли, совершал ли бдения, молился ли, плакал ли и другие какие совершал ли в настоящей жизни дела добрые, но будет тщательно испытуем, имеет ли он какое-либо подобие Христу.

Симеон Новый Богослов.

СЛУЧАЙ ИЗ ЖИЗНИ

КОМУ ПОМОЛИТЬСЯ?

Одного крещеного, но никогда не бывавшего в храме, мужичка жизнь так припекла, что решился он все-таки в храм пойти.

Пришел он в середине дня. Войдя, увидел молящегося батюшку и спросил: мол, кому мне здесь помолиться, чтоб работа завтра же появилась, жена вернулась и т.д. Отец ему и говорит:

— Так и я не знаю, кому и чтоб непременно завтра.

Мужичок спрашивает:

— А сам-то ты давно здесь работаешь?

Батюшка отвечает:

— Так уж лет 20...

— И кому ты здесь молишься, когда невмоготу?

— Господу.

В недоумении вышел мужичок из храма.

— Столько лет поп работает, а кому помолиться, чтоб помогло, не знает... — подумал он.

НЕ КРОТОСТЬ, А БЕСПЕЧНОСТЬ

Навыку духовному нужно верность хранить: есть обстоятельство, когда промолчать полезно, а есть обстоятельство, когда промолчать — означает покрывать беззаконие. Вспомним: Страх Господень (совесть) НЕНАВИДИТ НЕПРАВДЫ (Притч. 8:13) и «*ПОРАЖАТЬ ещё не значит быть суровым, и щадить не значит быть кротким; КРОТОК ТОТ, кто и может переносить нанесенные ему самому оскорбления, и ЗАЩИЩАЕТ НЕСПРАВЕДЛИВО ОБИЖАЕМЫХ и СИЛЬНО ВОСТАЁТ ПРОТИВ ОБИЖАЮЩИХ; напротив, кто не таков, тот беспечен, сонлив, нисколько не лучше мёртвого, а не кроток, не скромен. НЕ ОБРАЩАТЬ ВНИМАНИЯ НА обижаемых, не соболезновать несправедливо страждущим, НЕ ГНЕВАТЬСЯ на обижающих, — это не добродетель, а ПОРОК, не кротость, а БЕСПЕЧНОСТЬ*».

Святитель Иоанн Златоуст.

Исповедники о торжестве зла

О РАСПУТИНЕ

Quousque tandem abutere patientia nostra? [Доколе ты будешь злоупотреблять нашим терпением? — **лат.**] Эти негодующие слова невольно вырываются из груди православных русских людей по адресу хитрого заговорщика против святыни, Церкви и гнусного растлителя душ и телес человеческих, Григория Распутина, дерзко прикрывающегося этой самой святыней церковной.

Quousque tandem abutere patientia nostra?!

Этими словами вынуждаются, со скорбью и горечью, воззвать к Святейшему Синоду чада Православной Русской Церкви, видя страшное попустительство высшего церковного управления по отношению к названному Григорию Распутину.

Доколе, в самом деле, Святейший Синод, перед лицом которого уже несколько лет разыгрывается этим проходимцем преступная трагикомедия, будет безмолвствовать и бездействовать?

Почему безмолвствует и бездействует он тогда, когда Божеская заповедь — блюсти стадо от волков хищных, — казалось бы, с неотразимой силой должна была оказаться в сердцах архипастырей, призванных «*право править слово истины*»?! Почему молчат епископы, коим хорошо известна деятельность наглого обманщика и растлителя?

Почему молчат они, «*стражи Израилевы*», когда в письмах ко мне некоторые из них откровенно называют этого служителя лжи хлыстом, эротоманом, шарлатаном?..

Где его «святейшество», если он, по нерадению или по малодушию не блюдет чистоты веры в Церкви Божией и попускает развратному хлысту творить дела тьмы под личиною света? Где его «правящая десница», если он и пальцем не хочет шевельнуть, чтобы извергнуть дерзкого растлителя и еретика из ограды церковной?

Быть может, ему недостаточно известна деятельность Григория Распутина? В таком случае прошу прощения за негодующее, дерзновенное слово и почтительно предлагаю высшему церковному учреждению вызвать меня для представления данных, доказывающих истинность моей оценки хитрого обольстителя.

Новомученик Михаил Новоселов,
редактор-издатель
«Религиозно-философской библиотеки»
(«Голос Москвы». 24 января 1912 г.)
Источник: http://www.eshatologia.org/898-o-rasputine.html

С ВЕЩАМИ НА ВЫХОД!

3 часа ночи. Звонок в дверь.
- Это квартира Ивановых?
- Да, а в чём дело?
- Вы мечтали о возвращении Сталина?
- Да.
- С вещами на выход.

Протодиакон Андрей Кураев

БОГОСЛОВИЕ ЛЮБВИ ИЛИ БОГОСЛОВИЕ НЕНАВИСТИ?

Не понимаю возмущения интервью о. Всеволода Чаплина, где он задается вопросом: «*А что, в конце концов, плохого в уничтожении некоторой части внутренних врагов?*» http://echo.msk.ru/programs/personalnovash/1818964-echo/ Ведь сказанное им это просто еще один камушек, разбивающий розовые очки. Да, розовые очки разбиваются стеклами внутрь. Да, открывшаяся после этого картина мира выглядит шокирующей.

Еще на первой странице своей первой книги («Традиция. Церковь. Обряд». 1994) я писал:

«*Разлом исторического пути России поставил нас в такое уникальное положение, при котором то, чем станет Россия и чем станет российское православие завтра — зависит от нашего сегодняшнего выбора. Реальный разрыв всех традиций позволяет свободно решить: какие ниточки стоит сопрячь, какие — оставить в исторических описаниях. "Какой ты хочешь быть Россией — Россией Ксеркса иль Христа?" (В. Соловьев). Промыслом нам дарована великая свобода. Но там, где свобода — там и искушения. Из того, что нечто имело место в русском прошлом, никак не следует, что это нечто историей освящено и христианизировано и что в качестве святыни православной или национальной оно должно быть реанимировано*».

История православия весьма разнообразна. В ней можно найти аргументы и прецеденты как для богословия ненависти, так и для богословия любви. Каждый выбирает для себя. И для подчиненных...

А иногда еще и пользуясь своей властью умножает число этих «святых прецедентов» и святых палачей... В истории церкви почти никогда церковные иерархи не отказывали себе в удовольствии придушить оппонентов своих и власти с помощью силы.

Прицельный выстрел
в голову
С проверенной позиции
Решает очень здорово
Проблему оппозиции...

Не надо идеализировать историческое и современное православие. Мол, тут никогда человека не обидят и плохому не научат...

Не надо удивляться отсутствию чуда. Увы, церковная проповедь, бряцающая оружием и угрозами — это майнстрим. И не только сегодняшний. А вот Прощение и отказ от силы — это редкое чудо. Ну не чудотворец отец Всеволод Чаплин. Он просто играется с этим страшным и весьма древним майнстримом, который не удалось ампутировать даже XX веку.

Но все равно подарю ему древнюю апофтегму:

Уронили мишку на пол,
Оторвали мишке лапу.
Потому что согрешил —
В пост скоромничать
решил.

***

«Московский комсомолец», пересказывая эту мою заметку, почему-то решил, что последнее четверостишие намекает на известное фото о. Всеволода с гамбургером — якобы непостным в якобы постный день. Честно скажу, я и в мыслях такого не держал. Эта придирка к нему настолько пошла и мелочна...

Стишок этот совсем об ином: он о том, что в православной традиции (среде) прекрасно умеют оправдывать чужую боль и свое невмешательство в нее. «*Казнили? Снасильничали? — Сам виноват! По грехам его...*»

Как истинно-православные патриоты разоблачают «врагов»

«*Образ матери Марии, окончательно оформленный ее трагической кончиной в фашистском концлагере, стал символом модернистской "святости". При этом затушевывается тот факт, что даже ее арест французским гестапо имеет мало общего с мученичеством за веру. Монахиня Мария вместе о. Дмитрием Клепининым выдавала фальшивые справки о Крещении некрещеным евреям, т.е. занималась подделкой документов*». (http://nampuompycu.livejournal.com/183189.html)

Вариант, что именно вера подвигает рисковать своей жизнью ради спасения других (даже путем подделки документов) в эти «православные» сердца не помещается.

Нет такой мерзости, которую не мог бы оправдать или совершить надлежащим образом подготовленный и обученный «борец за Святую Русь».

Священник Дионисий Костомаров

НЕ УГАСИМ В СЕБЕ «МИЛОСТЬ И ВЕРУ»

С годами я все с большим раздражением отношусь к красивым оправданиям некрасивых поступков и нездоровых явлений.

О чем я? Тенденция, обозначенная начальным тезисом, характерна для жизни человечества на разных уровнях: личной жизни каждого из нас; семьи; общества; социальных и политических реалий.

Подумаем об этом.

Возьмем, к примеру, семью, где домашнее насилие является нормой. Казалось бы, все предельно ясно: одному человеку плохо бить или унижать другого. Но многочисленные ораторы тысячами слов вновь и вновь обоснуют, что непозволительное позволительно, а ненормальное нормально. «*Без ремня нормального человека не воспитаешь*», «*женщина должна знать свое место*» и так дальше, с привлечением языка притч и метафор или бульварной психологии.

Или непоправимый ужас убийства, который ставит точку в том предложении, где еще вчера были заботы и надежды, радости и несчастья, горе и смех. Внутреннее чувство святыни и неприкосновенности жизни, данное каждому из нас, позволило человечеству сформировать на уровне религиозной и общественной морали отвращение к насильственной смерти. Но, к сожалению, нематериальная совесть быстро отходит на второй план перед реалиями материального мира. Сколько разных вариантов оправдания ситуации, когда у человека отнимают жизнь, слышно каждый день: вот социальное благо, вот политическая необходимость, вот общественный покой, вот национальные интересы.

Так разорванный на части ребенок под развалинами школы становится цифрой в статистике «*жертв среди мирного населения*».

Так исстрадавшаяся женщина с глазами, потухшими от слез, убеждает себя в том, что волочиться по замкнутому кругу боли и унижения есть смирение и путь на небо. Ведь так ей сказала подруга или священник, даже не помнящий ее имя.

Мне особенно грустно видеть, когда неправда оправдывается от имени Бога. Ни в какой другой книге, кроме Нового Завета, я не читал более сильного призыва не называть свет тьмою. Вот Христос останавливает толпу, желающую праведного суда над блудницей. Вот Он говорит, что горе тем, кто ради буквы закона «*оставил важнейшее: суд, милость и веру*» (Мф. 23:23). Вот Он различает в разбойнике того, кто достоин Царства Небесного (Лк. 23:42). Но даже все это, — лишь одна сторона.

Наряду с призывом сторониться тьмы, даже если доказывают, что она свет, в Евангелии есть другой призыв. Он прост: видя тьму явления или поступка, уметь, однако, видеть свет в человеке, его совершающем. В этом многообразие палитры Писания: здесь «праведник» проходит мимо Христа, а грешный и погибший умеет остановиться рядом с Ним.

Если без пафосных речей взглянуть со стороны на историю человечества, то можно увидеть, что она пропитана логическим безумием: с одной стороны, убийство, например, есть непозволительное и ужасное преступление. С другой стороны, раз «око за око», то и убийца заслуживает лишь смерти.

В Евангелии иначе. Тьму нельзя рядить в ризы правды и святости. Да, убийство или насилие тяжелейший грех. Но под гробовыми плитами наших грехов в глубине каждого Бог видит свет, который Он и пытался разжечь ярче, идя на вольную смерть.

Христос противопоставил тьме самого Себя. Это напоминание всем нам: тьма не станет светом, если ее так назвать и красиво обосновать этот тезис. Но она рассеется, если мы не угасим в себе «милость и веру».

Вообще, эту тему нужно развивать очень серьезно. Я думаю, одна из трагедий 20 века в том, что в силу огромных проблем внутри христианской семьи, почти не было осмысления таких вещей как фашизм, тоталитаризм, национализм, империализм и так дальше в свете Евангелия.

МАМИНЫ РУЧКИ.
Фото Александра Слепцовского.

Священник Дионисий Костомаров

МОЖНО ЛИ «ВБИТЬ» ХРИСТА РОЗГОЙ?

При попытке увидеть истинную суть учения Христа нередко мы слышим упреки в протестантизме. Это вообще худшая из манипуляций: демагогией прикрывать нежелание видеть проблемы. Страхи перед истинным духом Христианства — духом любви, прощения, понимания, принятия и свободы — удивительно живучи. Именно те, кто до сих пор настаивают на физических наказаниях, — часто не доросли до христианского учения, ибо руководствуются страхом перед выдуманными неконтролируемыми последствиями.

В дискуссиях о воспитании детей и типе наказаний часто можно услышать ссылки на Священное Писание, преимущественно на Ветхий Завет.

Например, тезис о желательности и даже необходимости воспитательных мер с применением физического насилия часто подкрепляются ссылкой на книгу Притч: «*Кто жалеет розги своей, тот ненавидит сына; а кто любит, тот с детства наказывает его*» (Прит. 13:24).

Но в таком случае призываю подобных толковников быть последовательными. В Ветхом Завете есть предписания не только наказывать детей розгой, но и убивать их в определенных случаях. Не буду голословен.

Откроем, например, Второзаконие: «*Если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их, — то отец его и мать его пусть возьмут его и приведут его к старейшинам города своего и к воротам своего местопребывания и скажут старейшинам города своего: "сей сын наш буен и непокорен, не слушает слов наших, мот и пьяница"; тогда все жители города его пусть побьют его камнями до смерти; и так истреби зло из среды себя*» (Втор. 21:18-2).

Можно найти и другие места, например: «*Кто будет злословить отца своего или мать свою, тот да будет предан смерти; отца своего и мать свою он злословил: кровь его на нем*» (Лев. 20:9).

Со всей честностью зададим себе вопрос: считаем ли мы верным и допустим исполнение подобных норм и предписаний сегодня?

Для того чтобы христианину честно ответить на этот вопрос, надо подумать о том, что есть Священное Писание для Церкви. Ветхий Завет Богодухновен. Но что это значит? Отнюдь не то, что Библия является учебником истории, социологии, педагогики или психологии. Нет! Книги Ветхого Завета показывают путь человечества ко Христу. Путь, наполненный кровью, войнами, несправедливость, болью. Описывают поиск Бога народом, давшим миру Деву Марию…

В духовной же жизни христианина единственный маяк — Христос. Он есть путь. Он есть истина. Он есть жизнь. И на Него мы должны ориентироваться. Иисус любил детей. Он призывал оберегать их от жестокости и страданий мира. Призывал возделывать наш общий дом любовью. От Него мы не услышим повеления убивать заблудших чад. Напротив, в притче о блудном сыне (Лк. 15:11-32) Отец бежит навстречу своему оступившемуся сыну, готовый все разделить с ним, готовый простить без всяких условий.

И да, в Новом Завете есть строки о воспитании. Апостол Павел доносит до нас главное, чему родители должны стараться научить ребенка: «*И вы, отцы, не раздражайте детей ваших, но воспитывайте их в учении и наставлении Господнем*» (Кол. 3:21-22). Иначе говоря, надо пытаться подарить детям тайну и чудо веры, любви Божьей. Можно ли Христа вполосовать в человека розгой? Ответим себе честно. Христос приходит в сердце любовью, милосердием, прощением…

Владимир Лучанинов

БИТЬ С ЛЮБОВЬЮ – ЭТО КАК МОЛИТЬСЯ С ПРОКЛЯТИЯМИ

Хотите, чтобы ребенок был шелковый? Нет ничего проще. Крапива, прыгалки, тапки, веник — выбор большой. Но есть ли тут место вере в Бога? Оправдывает ли христианство насилие над детьми? Как это — бить с любовью? Дискуссии в православном сообществе не утихают. Свою точку зрения высказал Владимир Лучанинов, главный редактор издательства «Никея», отец пятерых детей.

НАСИЛИЕ ВСЕГДА БУДЕТ НАСИЛИЕМ, КАК БЫ ЕГО НИ НАЗЫВАЛИ

Сейчас — будто бы последние времена наступили — в православном сообществе оживлённо обсуждается тема наказания. Правда, речь идет о наказании детей — и исключительно телесном. Причем, прилагательное «телесное» стыдливо ускользает, оставляя существительное «наказание» в одиночестве, отчего последнее несомненно выигрывает, более одухотворяясь.

К тому же, говоря просто о наказании, каждый родитель имеет в виду что-то свое, — легче прийти к единству и признать, что детей наказывать, конечно же, надо, но с любовью.

Слова «назидание» и «наказание» имеют одинаковый смысл. И следует признать, что назидать, то есть наказывать с любовью, действительно, можно. Патерик изобилует подобными примерами.

Когда к авве Аммону пришли братья и потребовали изгнать из обители монаха, впадшего в блудный грех и державшего у себя женщину, святой пришел к бедолаге в келью и специально сел на сундук, куда нерадивый инок спешно спрятал женщину. «*Ищите*», — сказал старец, не вставая, вошедшим следом за ним правдолюбцам. Монахи не смели просить авву встать. Обыскав все углы, они никого не нашли и извинились перед горемонахом. Когда обвинители ушли, святой Аммон с любовью посмотрел на страдальца и сказал: «*Подумай о своей душе, брат*».

Такие сюжеты евангельского «наказания», как и родившая их притча о блудном сыне, трогают меня до слез, но при этом и обезоруживают. Вообще, настоящее христианство делает человека слишком уязвимым, но, возможно, только в полной уязвимости человека в его жизнь и приходит Христос. Говорю «возможно», потому что, если честно, самому мне этот опыт недоступен.

Чтобы подражать в любви авве Аммону, нужно быть убедительным примером для других, а у меня это всегда плохо получалось, да и вообще родитель я так себе…

Есть другой тип наказания, более естественный для нашего брата, не обремененного высокой духовностью, — определить границы. Если словесные назидания не эффективны, наказываем ребёнка лишением какого-либо вожделенного предмета или действия. Даём понимание о правилах и обязанностях, которые выполнять просто необходимо. Такое наказание полезно как для детей, так и для родителей — оно дисциплинирует и создает систему координат. Вообще и это сложно, так что вновь и вновь приходится рассказывать о своих педагогических неудачах Христу, вспоминая слова Его брата апостола Иакова:

«*Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков, — и дастся ему. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа*». (Иак. 1: 5-7)

А есть тип наказаний, когда мы ребенка бьем. Предлагаю не вуалировать, а так и говорить — битье ребенка в воспитательных целях. Часто мы к этому прибегаем или редко, шлепаем рукой, ремнем, крапивой, прыгалками или бьем кулаками — все это одинаково называется битьем, как одинаково именуется кражей утащенная малышом в гостях конфета и похищенные чиновником-казнокрадом народные миллиарды.

Кража может иметь смягчающие обстоятельства, насилие тоже — но оно всегда будет насилием, а насилие не может быть нормативным, тем более в христианской семье. Мне понятно, как шлёпают ребенка в сердцах. Я и сам, к сожалению, срывался. Трудно иногда не выйти из себя, ведь встретиться со свинством собственных детей куда больней, чем со своим собственным.

Но, мне кажется, стремясь к Свету, важно не переставать называть темное темным.

Поэтому меня очень беспокоят утверждения, что детей можно бить, лишь бы не раздражаться, в полном спокойствии и самообладании. Просто в голове не укладывается, как такое возможно…

Говорить о наказании с любовью в этом случае, как минимум, странно. Это как молитва с проклятиями или поцелуй с отвращением. Битье и любовь - вещи взаимоисключающие, их могут объединить разве что садомазохистские и гомосексуальные мотивы, которые, как известно, имеют в своем развитии самую прямую связь с телесными наказаниями детства.

ПОРОЛИ – И ВОТ, ГЕНИИ ВЫРАСТАЛИ!

Часто аргументом выставляют вековую традицию: всех, мол, на Руси-матушке пороли, а люди-то до чего прекрасными вырастали! Если даже принять на веру, что все вырастали прекрасными, мы неизбежно сталкиваемся с элементарной ошибкой мышления — из одного вовсе не следует другое.

Напротив, христиане и созданная ими цивилизация через посеянные евангельские зерна меняют представления целых народов, именно поэтому мир не зарастает плевелами и даже становится лучше. В золотой век христианства взрослые с детьми с удовольствием смотрели на казни, но потом стало очевидно — такие зрелища для души губительны. В период расцвета церковных наук детей еще спокойно сажали в темницы и казнили. Сейчас представить такое в христианской стране просто немыслимо. Совсем недавно не было и малейшего понятия об инклюзии, ребенок с особенностями сразу становился изгоем общества. Сегодня, слава Богу, все меняется.

Надеюсь, что следующим христианским поколениям телесные наказания внутри семьи покажутся столь же неуместными, как сегодня нам видится, например, публичная порка розгами в школе.

ТЕЛО БУДЕТ ПОМНИТЬ ДО ГРОБА – ЗА ОШИБКОЙ СЛЕДУЕТ ПОДЗАТЫЛЬНИК

В молитве священника, которую читает он в алтаре во время Божественной Литургии, есть слова: «*Избави мя от совести лукавой*». Мне кажется, лукавая совесть в церковном сообществе прекрасно паразитирует на множестве неправильно воспринятых установок.

Помню, как однажды ужаснулся я собственному лукавству. В сложной ситуации на улице мне нужно было как мужчине проявить свою силу, я же опустил глаза и прошёл мимо. Для любого мужчины очевидно — лучше походить с синяком и опухшим носом, чем мучиться, ощущая себя предателем и трусом. Но «лукавая совесть» сразу предложила обоснование, напомнила о подставленной щеке из Евангелия, о пользе смирения и ощущения собственного недостоинства…

Вместо евангельского блаженства о миротворцах и гонимых за правду — ироничный тезис Чацкого: «*Блажен, кто верует, тепло ему на свете*». И, действительно, тепло: я, единственный мужчина в той ситуации, струсил, не полез в драку с верзилой-хамом, нахожу для успокоения евангельскую цитату, а после иду на исповедь, получаю и утешение священника (а он, конечно же, утешит и придумает, как меня оправдать). Да это вообще универсальная схема: можно бесконечно нарушать заповеди, жить будто Евангелие написано для других, но, оставаясь в Церкви, утешаться ее теплотой и всепрощением, особенно в наше время сплошной икономии, когда нет ни епитимий, ни отлучений, вообще никаких канонических взысканий… И получив такое сочувствие и мощную поддержку, у себя дома практиковать свирепую акривию, но так, чтоб треклятая ювенальная юстиция ничего не узнала, — шлепать за провинности беззащитного ребёнка…

А когда станет больно и чудовищно пусто внутри, вспоминать премудрости Ветхого Завета, и не допускать мыслей о том, что получающий сегодня тумаки ребенок, возможно, никогда не ощутит ценности своей жизни, своих желаний и мыслей. Скорее всего, он не сможет признать эту ценность и в другом.

Ему будет крайне сложно удерживать границы своего внутреннего пространства, потому что сейчас он растет в обстановке грубого нарушения этих границ.

Возможно, всю жизнь он будет бояться людей, хоть внешне это будет заметно лишь специалистам, а в доброжелательном и открытом общении он будет ждать подвоха. Он будет бояться ошибиться, потому что его тело будет помнить до гроба, что за ошибкой следует подзатыльник.

ПОЛЬЗА ОТ БИТЬЯ – ШЕЛКОВЫЙ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Суть всех обсуждений о битье сводится к одному: приносит ли это пользу. Безусловно, приносит! Для родителей. Бессознательно можно вымещать на детях свои промахи и неудачи. Так сказать, канализировать аффектики. Вспоминается мастерски и тонко написанный Толстым эпизод романа «Анна Каренина», когда Алексей Александрович Каренин, узнав о романе своей супруги с Вронским, оказался абсолютно не готов к такому вызову. Тупиковость ситуации выводила его из привычного равновесия: он знал, что не решится вызвать Вронского на дуэль, а о разводе, учитывая его высокое положение в свете, не могло быть и речи. Приехав домой, Алексей Александрович нашёл давно лежавшее дело, рассмотрение которого он долго откладывал. Решив это дело, он мог дипломатически расквитаться со своим давним недоброжелателем. Всю свою неприязнь к Вронскому и Анне Каренин, немедленно севший за бумаги, излил на этого недоброжелателя. Когда Каренин отправил написанную депешу, он почувствовал, что ему стало легче.

В случае гнева на домочадцев очень часто происходит нечто похожее, ведь на своих злиться всегда проще и безопаснее.

Еще одна очевидная польза — возможность добиться послушания. Если ребёнка бить, скорее всего, он будет делать то, что от него требуют.

Вопрос об использовании насилия следственными органами всплывал и обсуждался неоднократно. Никто не сомневается, что без избиения подследственный, какой-нибудь матерый рецидивист, скорее всего, не назовет своих подельников и не признает свою вину. Насилие и страх — удобные инструменты для того, чтобы добиться послушания. Не исключение и отношения родителей и ребёнка.

Так что родители, следующие этим путем, в накладе точно не останутся. По крайней мере, до подросткового возраста, а если повезет, возмездие может и не наступить — ребенок останется шелковым на всю жизнь. Но ведь это совсем другие темы и дискуссии: «Расцерковление», «Инфантильность» и прочее, прочее, прочее…

Благо в православном сообществе всегда есть, что обсуждать и комментировать.

http://www.pravmir.ru/bit-s-lyubovyu-eto-kak-molitsya-s-proklyatiyami/

Наталья Скуратовская, психолог:

Когда церковь превращается в ролевую игру

Духовное руководство — один из важнейших аспектов церковной жизни, требующий особой деликатности. Но нередко именно здесь и пастырей и пасомых подстерегают психологические проблемы, способные исковеркать как духовную жизнь, так и личную судьбу. Об этом — лекция психолога Наталии Скуратовской «Психологические проблемы душепопечения: как избежать ловушек для пастырей и пасомых», состоявшаяся в лектории благотворительного фонда «Предание». Публикуем отрывки из первой части лекции.

Трудная и редко обсуждаемая тема — почему, идя в церковь (то есть вроде бы к Богу, к радости, к любви, к тому, чтобы стать лучше), люди в результате нередко оказываются в психологическом тупике, становятся несчастными, а то и обзаводятся неврозом, которого до церкви не было? Некоторые вообще ухитряются разрушить семейную и профессиональную жизнь. Как же так? Ведь намерения у всех были хорошие, почему же все так обернулось?

Сразу хотелось бы заметить, что страдает не только паства, но и пастыри. Поэтому темой лекции станет не осуждение «неправильных» священников, которые «мучают» своих прихожан. В том-то и трагизм, что порой все друг друга мучают, но я постараюсь, по возможности, объяснить, как избегать таких ситуаций.

ИНОГДА ЧЕЛОВЕК НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ИЩЕТ В ЦЕРКВИ

Традиционно под душепопечением понимается духовное руководство со стороны Церкви и — конкретно — пастыря, приводящее людей к Христу. В узком смысле слова речь обычно идет только об отношении пастыря и пасомых.

Пасомые приходят в церковь с определенными ожиданиями, надеждами и страхами. Человек сам порой не знает, чего именно он ищет в церкви. Кто-то приходит, смутно почувствовав призывающую благодать. Кто-то приходит в трудной жизненной ситуации, потому что потребовались утешение и поддержка, и зачастую, в общем-то, приходит просто за бесплатной психотерапией. В юности, когда еще много максимализма и мало опыта неудач, частым мотивом обращения к вере, к церковной жизни становится желание стать святым и показать всем окружающим, как надо жить на этом свете.

Кроме того, у каждого из нас есть личностные особенности, которые мы приносим в церковь. С кем-то надо обращаться нежно и трепетно, с кем-то, наоборот, прямо и, может быть, даже иронично; с кем-то надо быть очень конкретным, а кому-то излишняя конкретность повредит.

От того, в каких жизненных обстоятельствах пребывает человек, зависит многое: что потребуется ему в духовном руководстве, какие вопросы его будут волновать и к чему он будет особенно чувствителен и уязвим.

Например, если человек приходит, испытав горе, понятно, что он хочет, чтобы его утешили и чтобы ему дали надежду.

Потеря близкого человека иногда заставляет почувствовать то, что можно выразить следующими словами: «*Нет, нечестно, чтобы все этим кончилось — жизнь, любовь. Пусть мне дадут гарантии, что жизнь вечная, что я могу что-то сделать, помолиться, свечку, в конце концов, поставить, для того чтобы моему близкому было хорошо*». Для таких надежд и ожиданий человек в этот момент особенно уязвим, чем зачастую и пользуются разные недобросовестные религиозные деятели.

Ярче всего такую ситуацию с утратой близких и уязвимостью на этой почве иллюстрирует то, что произошло с бесланскими матерями, которым Грабовой пообещал воскресить их детей. Представьте степень горя этих людей. На почве несбыточной, казалось бы, надежды и глубокой уязвимости и образовалась секта. И даже когда Грабового уже посадили в тюрьму, эти несчастные матери пытались всеми возможными способами вытащить его из тюрьмы, переписывались с ним. Он вышел, и некоторые из них так и не потеряли эту надежду. То есть бывают обстоятельства, в которых мы особенно уязвимы.

ЭМПАТИЯ — ГЛАВНОЕ ДЛЯ СВЯЩЕННИКА

Пастырь, со своей стороны, тоже несет свой груз, ведь пастыри — это не пришельцы с Марса и не посланцы ангельских сфер — они такие же люди, как и мы, несущие бремя своих жизненных проблем. Конечно, мы предполагаем, что они больше внимания уделяют духовной жизни, что они в чем-то мудрее, в чем-то опытнее. Но практика показывает, что в нашей современной церкви зачастую у священника меньше времени, возможностей и сил, например, для личной молитвы, для собственной духовной жизни, чем у его прихожан — просто потому, что у него слишком много обязанностей, никак не относящихся к душепопечению, и пастырство, к сожалению, не всегда оказывается на первом месте.

У пастыря есть данная природой или сознательно развившаяся способность к **эмпатии**, то есть к тому, чтобы проникнуться чувствами другого человека, что называется, увидеть мир его глазами. Я считаю, что это обязательное условие пастырской профессиональной пригодности, потому что именно эмпатия дает возможность сострадать без осуждения, без оценки, не проецировать на человека свои стереотипы, а понять, как выглядят его трудности, его ситуация именно его глазами — только так можно дать верный пастырский совет.

Есть люди с врожденной высокой способностью к эмпатии, и это талант от Бога, но в какой-то мере она присутствует у каждого из нас, и ее можно развивать. То есть если не дано от Бога — тренируйся. Как известно, есть гениальные художники, у которых талант от Бога, а кто-то рисует, рисует, рисует — и вот у него уже хорошо получается, он уже может выразить свой внутренний мир через рисунок. Так же и со священниками. Если один человек не очень чувствует, не очень понимает другого, но будет каждый раз останавливать себя, желая сказать ему нравоучение, говорить себе: «*Стоп! Как эта ситуация выглядит его глазами?*» Если человек будет больше слушать, больше сострадать, то рано или поздно к нему придет это качество, он разовьет в себе способность к эмпатии.

Наконец, есть **пастырские установки**. Это довольно тяжелый блок, и здесь уж кому как повезло — и со священником, и с пастырскими установками. Играет важную роль весь тот духовный опыт, который священник приобрел в своей жизни до рукоположения; все другие священники, которые были его духовными наставниками — хорошие или «плохие» («плохие» в том смысле, что их духовное руководство было травматичным).

Человек, собирающийся стать священником, выбирает для себя какие-то образцы служения. Если эти образцы не показывали примеров пастырской открытости и пастырской любви, понимания, неосуждения, готовности вытаскивать пасомого из трудных душевных и духовных обстоятельств, помогать ему в борьбе со страстями, давать своевременные советы, — если образцы служения будущего пастыря были не такими, то он, соответственно, не имел возможности всему этому научиться.

Более того, пастырские установки могут быть достаточно жесткими относительно того, как следует вообще общаться с пасомыми: пастырь должен быть властным, авторитарным, чтобы в нем ни в коем случае не увидели человека — он должен быть лишь символом своего служения. «Являть Христа» понимается не как «являть любовь, принятие», а являть Христа уже на престоле, царствующего, властвующего — и отступление от этого образа, то есть выход из роли, кажется просто пастырским провалом. То есть от пастырских установок также зависит очень многое.

«Я ХУЖЕ ВСЕХ» И ДРУГИЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИХОЖАН

Наконец, имеется та или иная определенная **церковная субкультура**. Почему «определенная»? Потому что в нашей Церкви их много. Есть консерваторы, есть либералы, есть борцы с ИНН и штрихкодами, а есть экуменисты. Это все очень разные системы правил и норм, в которые человек (особенно если это новичок, неофит) приходит и вписывается. Он вписывается в ту систему, которая существует, и принимает те установки, которые есть.

Соответственно, в каждой системе, в каждой субкультуре есть свои авторитеты и, к сожалению, не всегда Христос присутствует среди этих приоритетов. Это могут быть святыни, традиции, чудотворные иконы, мощи. Может формироваться такая негласная норма, что не следует Христа по пустякам беспокоить, надо молиться правильным святыням в нужное время, знать, кому заказать молебен. Даже Евангелие не надо читать, потому что, дескать, все равно неправильно его поймете — к сожалению, может быть и такая субкультура. А может быть наоборот: все можно, все дозволено, все не грех, все бывает. В этом случае человек, искавший в Церкви направления, каких-то путей, совсем теряет ориентацию: «*Куда же мне идти?*»

В этой структуре у каждого из участников процесса, то есть и у пастыря, и у паствы есть свои **опасности**.

Начнем с паствы. Самая большая беда, которая вообще может случиться с человеком, приходящим в церковь — это **несамостоятельность и избегание ответственности**, то есть изначально некая инфантильная позиция. Это тот риск, который потом влечет очень много бед и разочарований. Потому что такая позиция может даже одобряться церковью: правильно, ты ничего не знаешь, твои мысли все неправильные, ты ничего не умеешь — как стоять, как молиться, как платок повязывать, в конце концов, а мы тебя тут всему научим, мы тебя отформатируем по стандартам нашей субкультуры.

Поэтому несамостоятельность и избегание ответственности очень поощряются во многих приходах, что создает ложное ощущение, что это является предпосылкой для духовности.

И несамостоятельность переименовывается в послушание, избегание ответственности переименовывается в смирение, и вот паства уже и «духовная».

Прихожане чувствуют себя уже послушниками, соответственно, им нужен кто-то на роль «аввы духоносного», и им оказывается тот священник, который сформатировал паству по этому образцу. А дальше может сложиться очень грустная ситуация.

Кроме того, мы можем принести в церковь свои **предыдущие травмы и неврозы**, то есть мы часто приходим в церковь уже ранеными, но это, в общем, нормально. Дожить до сознательного возраста так, чтобы жизнь не поранила, не удается практически никому. Тут вопрос в том, насколько человек может или не может с этим справляться, насколько он этот опыт проработал или не проработал, и насколько глубоки эти раны, потому что бывает такой опыт, с которым так быстро не разберешься — годы уходят на то, чтобы его проработать. В церкви, к сожалению, эти травмы часто оказываются причиной так называемой вторичной травматизации, то есть человека бьют по тем же самым больным местам.

Например, человек вырос в ситуации семейного насилия: родители избивали его, оскорбляли, унижали. И вот он приходит в церковь — казалось бы, «луч света в темном царстве»! Но, как правило, этого человека притянет к себе такой приход, где он получит примерно то же самое, но в благопристойной форме и с объяснением, что это духовно.

Его не просто бьют — из него грехи выколачивают, его не просто унижают — его смиряют.

И тут же будет много поучений; цитаты из произведений святых отцов на эту тему будут заранее заготовлены, и человек, в силу своей уязвимости, получит новые раны, которые сделают его совсем бессильным и беспомощным в этой системе. Именно это, кстати говоря, годами и удерживает таких людей в подобных приходах, потому что создается ощущение: «*Куда же я пойду? Там мне было плохо, там мне было больно. Сюда пришел — мне тоже больно, но, значит, это я такой плохой, я негодный*». Начинается обесценивание, которому тоже нередко помогает церковь: «*Я хуже всех*», — и тому подобное.

Мы много говорим о том, что церковь — это лечебница, а потом спрашиваем себя, почему же так мало в ней выздоравливают, и гораздо больше людей, придя в лечебницу, становятся хрониками, а то и неизлечимыми больными. Почему у нас хоспис какой-то, а не лечебница? Дотерпеть бы там до смерти — в общем, имея некую надежду… Так что это тоже угроза.

Еще одна угроза — это **зависимость от мнения авторитетов**. Человек, изначально воспитанный так, что он должен слушаться, что мать плохого не посоветует, что старшие знают лучше — неважно, родители или учителя — такой человек, уже привыкший, что за него все решают, приходя в церковную субкультуру, без сопротивления, без критического анализа усваивает ту либо конструктивную, либо деструктивную систему ценностей, которая имеется в том церковном сообществе, куда он пришел.

Можно проиллюстрировать это положение с поправкой на исторические реалии. При знакомстве с наследием матери Марии Скобцовой поражает точность этой мысли: в 1935 или 1936 году она писала про будущую Церковь, что, когда закончатся гонения и в советском государстве Церковь будет разрешена, к церковной власти придут те же люди, которые сейчас из газеты «Правда» узнают, кого им ненавидеть, кого им осуждать, кто у нас враг народа, а кого, наоборот, надо всячески восхвалять, кому нужно льстить.

Сначала эти люди будут всему учиться, то есть усваивать «линию партии». Когда они эту «линию партии» усвоят, они будут проводить ее в жизнь с тем же сознанием непогрешимости, с верой в то, что их понимание — это и есть истина в последней инстанции. А если «линия партии» вдруг поменялась, то надо менять и истину. Именно это **не критичное, не рефлексивное мышление** часто становится причиной последующих разочарований, потому что человек усваивает нечто, совершенно неорганичное ни для него, ни для христианства. Причем то, что он усвоил, может быть еще и внутренне противоречивым, и ему приходится тратить все силы на то, чтобы гасить эти когнитивные диссонансы, вместо того, чтобы вообще о Боге подумать, помолиться, в конце концов — то есть не вычитать правило, не отстоять службу, а просто взять и помолиться.

Следующая угроза особенно страшна для неофитов — «**ревностность не по разуму**». Это когда человек приходит в церковь, горящий стремлением к праведности. Недавно вышедший фильм «Ученик» — как раз очень яркая иллюстрация, до чего человека может довести, например, чтение Библии не по разуму.

Еще одной угрозой являются **ложные ожидания**. Не всегда они диктуются горем, как в том примере, который был приведен выше. Иногда они диктуются тем, что опять же связано с несамостоятельностью: «*За меня все сделают, я попаду в такое место, где меня спасут. Вот я пришел — все, спасайте меня!*» Если я буду крещеный, регулярно посещать богослужения, выполнять все послушания, то место в раю мне гарантировано, я его себе заработал, я себе «купил страховку» — это тоже ложная надежда. Но эти ложные ожидания очень часто вовлекают человека, если они поддержаны со стороны пастыря: «*Да-да, если ты будешь меня слушаться, ты можешь даже не сомневаться в своем спасении*», — и тут же какая-то цитата, подкрепляющая эту надежду.

Наконец, но это уже угроза более позднего периода — это **обесценивание**. Когда человек интуитивно чувствует фальшь всего происходящего с ним, а иногда и фальшивость себя самого, то психика, которая у нас все-таки не железная, начинает ломаться от ощущения несоответствия заявленной интуиции и всего, происходящего вокруг и во внутреннем мире. Естественной реакцией является обесценивание, и тут, как говорится, вместе с водой выплескивается ребенок, то есть рушится

(Окончание на стр. 5)

Когда церковь превращается в ролевую игру

Наталья Скуратовская, психолог:

(Окончание. Начало на стр. 4)

доверие к авторитетам, к субкультуре, и рушится уже все.

Дальше уже на этих обломках выстраивается совершенно другая жизнь, максимально атеистическая, потому что Церковь в глазах человека себя скомпрометировала.

«ВЫЖЕБАТЮШКА — НА ВАС ВСЯ НАДЕЖДА!»

Обратимся к другой стороне. Пастыри тоже в каком-то смысле являются заложниками этой церковной субкультуры. Они точно такие же люди со всем, что присуще простым смертным, а в качестве пастырей первое, от чего они страдают — это завышенные ожидания от них. Многие верующие считают, что священник должен быть прозорливым, неутомимым, отзывчивым, специалистом во всем, должен точно знать тот самый единственно правильный ответ на все вопросы. А если не знает — значит, он слабый, сомневающийся; значит, он какой-то «не такой» пастырь — что ж, пойдем, поищем других — пожестче, например.

Священнику, с его стороны, страшно не оправдать эти **завышенные ожидания**, потому что с него упадет корона, паства его разжалует из признанных авторитетов. Почему это происходит? Потому что его самооценка тоже зависит от оценки окружающих, то есть у него нет или недостаточно чувства самоценности. Но часто бывает, что пастырь еще молод и чувствует, что на него взвалили на самом деле непосильную ношу.

Представьте себе ощущение юноши лет 23, которого рукоположили — и вот он уже отец, и к нему в очередь построился народ, и все со своими скорбями, все говорят: «Батюшка, ну как же? Батюшка, помолись, ты же великий молитвенник. Батюшка, на вас вся надежда».

Представьте себе этого мальчика, на которого взваливают весь этот груз надежд, чаяний, проекций, ожиданий — всего, что недодали в миру, а ему же неудобно сказать, что он не знает, как его нести. Кому сказать? Если у него хороший духовник, он может посоветоваться со своим духовником. Если вдруг с духовником не очень повезло и посоветоваться особо не с кем, он оказывается предоставлен сам себе или становится заложником тех наставлений, которые он получил раньше.

У пастыря тоже бывает «**ревность не по разуму**» — это одно из известнейших пастырских искушений начального периода, о котором писали все пасторологи. Это, например, подробнейшим образом разбирается у Киприана Керна — желание быть самым-самым выдающимся священником, быть действительно светом миру: «*Раз я принял это служение, значит, я буду практически как сам Христос*». А ведь нетрудно догадаться, до чего доводит попытка претендовать на роль Христа. Очень часто из этого получается этакий маленький антихрист, который ведет не к Христу, а к себе. Но «ревность не по разуму» вовлекает в самомнение, в итоге возникает младостарчество и выстраивание вокруг себя системы созависимых отношений.

Тут же вокруг такого ревностного, самоотверженного и, естественно, молодого и симпатичного батюшки, возникает круг «обожалок», которые смотрят ему в рот и говорят: «*Батюшка, вы такой мудрый. Батюшка, вы такой прозорливый. Батюшка, вы меня благословили, и мне настолько легче стало!*» — и все, он попал в сети этой лести. Вспомним, что манипуляции бывают не только сверху вниз, но и снизу вверх — и манипуляция гордыни ох как страшна. Никто из нас на 100% не уверен в себе, на это мы и ловимся. Если мы про себя это знаем, нам легче на это не пойматься. Если же мы этого о себе еще не знаем, то жизнь все равно научит, и если это произойдет раньше, чем человек сам спохватится, то будет очень тяжело.

Следующая опасность для пастырей — **стандартная «ролевая модель» священника**. У нас есть определенный стереотип, как священник должен держаться, как он должен себя вести, как он должен разговаривать, как он должен строить отношения с паствой. Можно даже создать некое подобие «классификации батюшек». Священник может быть смиренным и спокойным или, наоборот, строгим, жестким, категоричным, ревностным (иногда до гнева), фанатичным. Он может быть властным или мягким, погруженным в размышления или деятельным, уверенным или неуверенным в себе и в своей пастве, улыбчивым или мрачным. Паства иногда формирует и стереотип внешности пастыря: некий «человек без возраста» — толстый, благообразный, с окладистой бородой. Отдельный тип — «прозорливый старец».

Как видим, есть несколько «ролевых моделей», то есть несколько типажей. Думается, когда священник начинает служить, он выбирает типаж, который чем-то ему близок — эмоционально, по характеру. Например, сам он тихий, закрытый и смиренный — и выбирает именно такую «ролевую модель». Хотя, в принципе, тот же человек может стать и примером некоего «эпатажного» типа священника — то есть так войти в чуждую ему роль, что эта роль как бы «прилипнет» к его лицу, и он таким и останется. Но, как правило, выбирается такая роль, которую легко сыграть.

Чем плоха «ролевая модель»? Тем, что какая бы роль ни надевалась, если за ней, внутри ничего нет, то так или иначе паства будет чувствовать фальшь.

Можно примерить роль строгого и категоричного пастыря или, наоборот, доброго, молящегося, спокойного и так далее. Но если это не произошло изнутри, это станет пустой формальностью. Причем «ролевая модель» может даже соответствовать внутренним качествам, но если это не выросло естественным образом, а взято, примерено, скопировано с кого-то другого — более авторитетного настоятеля, к примеру, то для прихожан, которые чувствуют фальшь, это приводит к формальной церковности: «*Вы изображаете "авву духоносного", а мы изображаем послушных смиренных прихожан. Но на самом деле мы знаем, что все не так, просто таковы правила игры*».

В результате и церковь превращается в этакую ролевую игру: «ролевиками» становятся и пастыри, и пасомые. Для каждой стороны прописан костюм, роль, линия поведения. Выходя из церкви, они эту роль с себя снимают и идут жить своей жизнью. Мы много говорим о том, что христианство должно пронизывать всю жизнь, что это перемена души, перемена ума, но откуда же берутся люди, которые в церкви одни, а вне церкви другие? Все очень просто — им показали пример, что в церкви играют в «ролевые игры». А поскольку они были чутки к церковной субкультуре, они научились и свою роль играют так, что не подкопаешься. Еще и других научат — «новеньких», которые только недавно пришли в церковь.

«Я НОЧЕЙ НЕ СПАЛ»: ПОЧЕМУ ВЫГОРАЮТ ПАСТЫРИ

Но перейдем к опасностям более позднего периода пастырской жизни, когда уже рвение прошло, когда какие-то роли либо играются «на автопилоте», либо уже приелись. Здесь и возникают опасности среднего пастырского возраста (понятно, что речь идет не о паспортном возрасте, а об опыте священства) — это **разочарование, выгорание, уход в цинизм, уход в обесценивание**. Потому что, с одной стороны, очень часто этим оборачивается лишнее рвение: «*Я горел, ночей не спал, 24 часа в сутки все делал, семью забросил. Дети слабо помнят меня в лицо, матушка вырастила их одна. И что? Кто-то спасся? Кто-то изменился к лучшему? Слушают мои проповеди, но не исполняют*». Начинается поиск виноватого. На следующей стадии — обесценивание своего служения («*Все, что я делал — все зря!*»).

Иногда просто церковные реалии оказываются совсем не таковы, как об этом мечталось романтичному юноше. Или как представлялось возвышенному человеку средних лет, который решил поменять жизнь, бросил все, ушел в церковь, ему предложили рукоположиться, он радостно согласился Христу послужить, но потом понял, что вход свободный, а выход — нет. Он смирился: «*Жизнь моя такая, буду служить… Кадило, кропило - и отстаньте со своими вопросами*».

Есть «ролевая модель» такого непроницаемого, непонятного, отстраненного священника — иногда в этом случае именно на нее и переключаются пастыри в ситуации разочарования.

Нельзя сказать, что это проходит бесследно для прихожан, потому что прихожане под руководством такого священника нередко тоже приходят к потере веры, к ее охлаждению. Потому что имели в его адрес ожидания, что он будет жить церковью, что он будет гореть верой, а он такой равнодушный, как будто отмороженный. И несчастный. Он может быть и просто непроницаемым, может быть толстым, пьяным, но все равно не счастливым — он не выглядит очень счастливым. Либо говорит постоянно что-то обесценивающее, что-то унижающее паству, чтобы на фоне этой паствы чувствовать себя получше в этом жизненном кризисе.

Бывает и так, что священник не ушел совсем в такой цинизм, а ушел в активные дела. **Подмена духовного секулярным** — это еще один пастырский риск, который прихожанам и обществу в целом обходится очень дорого. Обычно либо чувствуя охлаждение веры, либо стремясь быть отмеченным начальством, пастырь начинает активно заниматься внешними делами, не духовными. Они могут быть очень хорошими, являть собой его социальное служение. Они могут быть и сомнительного свойства — например, походы на выставки с погромами. Но чем бы ни занимался такой пастырь — все это, по большому счету, лишь бы отвлечься от духовной жизни, лишь бы это выглядело церковно — в том понимании церковности, которое есть в нашей церковной субкультуре.

КАК ПРАВИЛЬНО ЖИТЬ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ

В сочетании с ревностными не по разуму прихожанами это приводит к **активизму**, который и их, в общем-то, изначально стремившихся к духовной жизни, уводит в мир, уводит от Бога, уводит к совершенно не свойственному Церкви занятию, как то: насаждать моральные нормы всем, кто не успел увернуться. Поэтому вместо того чтобы думать о собственном спасении, люди начинают думать о чем угодно, кроме этого. Мне лично доводилось общаться с очень церковно активными людьми — из тех, кто организует клубы православных отцов, клубы православных мотоциклистов. В какой-то момент оказалось, что человек, который три или четыре года возглавляет клуб православных отцов, не знает не только молитву перед едой - ему «некогда» даже было выучить «Отче наш»!

Подобный активизм, разумеется, следует отличать от истинных дел милосердия. Исполняя последние, очень важно соблюдать баланс, чтобы, скажем, ухаживая за больными, не лишать себя и своих подопечных духовной составляющей этого милосердия. Ухаживая за больными, за умирающими, за инвалидами, за детьми-сиротами, им, кроме чисто практической заботы, можно дать и веру, и надежду, и любовь. Дело в приоритетах: милосердие должно быть сопряжено с тем, что человек сохраняет веру — принимает тех, о ком он заботится, как принял Христа, то есть отдает свою любовь.

Если это присутствует хотя бы фоном, то это дело молитвы. Если же человек подходит к исполнению дел милосердия без молитвы, он может очень быстро эмоционально выгореть на этом. Потому что многие бросаются волонтерить, но их хватает всего на пару месяцев. А духовная составляющая жизни дает большую устойчивость: человек не просто не выгорает, а он находит в этом силы для последующего служения и находит больше возможностей. Не всегда можно помочь физически, например, неизлечимо больным, но всегда можно помочь духовно, душевно.

Но, к сожалению, духовной составляющей может и просто не быть. Активная деятельность может быть просто подменой духовной жизни. Как обрести эту духовную составляющую? На этот вопрос, в общем-то, нам отвечают все две тысячи лет истории Церкви и несколько веков святоотеческого наследия.

Но если очень кратко, нужно просто быть с Богом, молиться и искать мудрого духовного руководства — но именно мудрого. Нужно и испытывать те советы, которые вы получаете.

Рассмотрим еще некоторые из результатов, которые получаются из тех или иных угроз, существующих для пастырей и пасомых. **Невротизация** относится и к тем, и к другим. На первый взгляд, жертва — пасомые. Но на самом деле чаще картина другая: встречаются два невротика, один пастырь, другой пасомый. И пастырь, уже создавший вокруг себя соответствующую невротизирующую среду, начинает человека, может быть, не имевшего таких проблем, невротизировать. Если человек проблему уже имел, то он получает последующую травму.

Созависимость — проблема для обоих. Потому что опять же на первый взгляд кажется, что один агрессор, другой жертва (причем в роли агрессора могут выступать и прихожане, приходские женщины, которые совсем замучили и закомандовали батюшку, или «*духовные иждивенцы*», которые все время просят благословения на простейшие действия). Сколько бы он им ни говорил, чтобы думали и решали сами, они продолжают настаивать на частом и ненужном благословении.

Созависимость — это разновидность психологического насилия. Тем и страшны созависимые отношения, хотя до какого-то момента их участникам может быть вполне комфортно. А вся энергия уходит на вращение в этом круге, на поддержании этих отношений. Классический пример жены алкоголика — она очень много энергии тратит на спасение своего мужа, поэтому она выгорает гораздо раньше. Начинаются психосоматические заболевания, развиваются неврозы. При этом то, что подразумевается под спасением мужа, на самом деле является топливом для этих созависимых отношений.

Грань между созависимостью, зависимостью и своей собственной жизнью очень тонка. На мой взгляд, умение жить своей жизнью — это порождение любви, которую вы испытываете к близким.

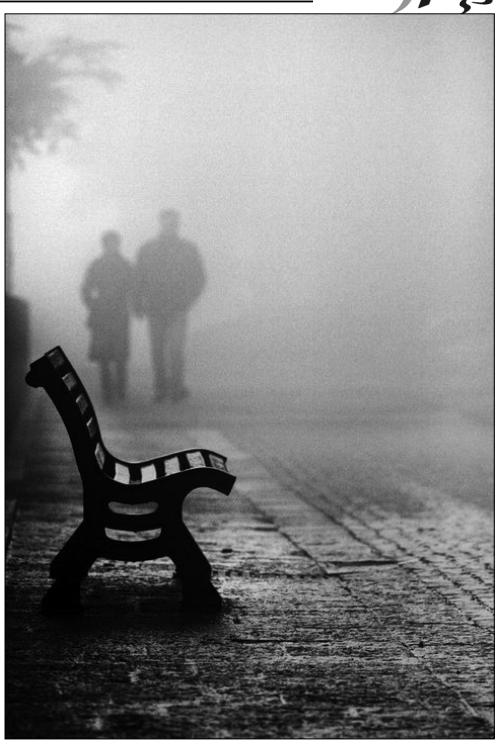
Вы не жертвуете собой — вы, позаботившись о себе, отдаете свою любовь другому человеку в виде заботы, внимания и так далее. Это и есть жить своей жизнью, не впадая в отношения созависимости. Другое дело, если вы чувствуете, что должны во что бы то ни стало позаботиться о ком-то, иначе случится что-то плохое. Как та самая жена алкоголика: «*Я должна о нем заботиться, потому что иначе он сорвется*». При этом своим постоянным ожиданием, что он сорвется, она его как раз и подталкивает к тому, чтобы он сорвался, чтобы ей опять было куда приложить свое желание его спасать.

Одновременно, как все мы знаем, созависимость — это оправдание, почему в моей жизни что-то не делается, что-то не получается. Если для нас те дела, которые мы делаем для других, являются оправданием бессилия в достижении того, чего мы на самом деле хотим, значит, мы живем не своей жизнью.

Итак, мы затронули целый ряд опасностей, которые существуют для пастырей и пасомых. Упомянем еще **обрядоверие** — как продукт формализма. Мы нередко видим, что люди уходят во внешний ритуал, обращают внимание лишь на чинность богослужения, на то, что все должно быть правильно. Внимание и акцент переносятся на святыни, на паломничество, на выполнение определенных действий и обрядов. Возникает некий магизм мышления: если мы правильно выполним определенную последовательность действий и правильно скажем определенные слова (в кавычках, «заклинания»), то магия сработает и мы получим то, на что мы надеялись изначально. Опасность тут понятна — верить, в данном случае, мы начинаем уже не в Бога, а в правильное исполнение магического ритуала, что лишает нас богообщения.

Правмир.ру
Видео предоставлено порталом Предание. ру

«Все! Я от Тебя ухожу!..»



По статистике распадается порядка половины венчанных браков. Причины — измена, алкоголизм, рукоприкладство... Спасает ли семью патриархальный строй? Почему зачастую рождение детей разделяет супругов? Как абсолютное послушание духовнику может приводить к катастрофам? Об этом Валерии Михайловой рассказал протоиерей Александр ДЯГИЛЕВ, председатель Комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства Санкт-Петербургской епархии, руководитель Санкт-Петербургского епархиального центра Православного объединения «Супружеские встречи».

«Я ЗАСТАВЛЮ ТЕБЯ БОЯТЬСЯ МЕНЯ, ПО АПОСТОЛУ ПАВЛУ!»

— Отец Александр, вы как-то упоминали о статистике разводов среди венчанных пар. Напомните, пожалуйста, что за статистика?

— Эту статистику я веду уже два года. Все приходы подают в епархиальное управление данные о том, сколько у них было крещений, отпеваний и, в том числе, венчаний. А на первом этаже епархиального управления есть приемная, где сидит батюшка, отец Фома, вынужденный принимать прошения на имя митрополита о расторжении церковного брака — он тоже ведет свою статистику: сколько прошений принято, сколько удовлетворено. Вот эти данные я и сопоставил. В 2014 году в Санкт-Петербурге было 1738 венчаний и примерно 620 разводов. В 2015 году — 1638 венчаний и 901 развод. То есть тенденция — не самая лучшая.

— Церковный развод — это то, что на светском языке люди называют «развенчанием»?

— Да, именно это слово люди, как правило, используют, хотя оно некорректно. С недавнего времени тех, кто хочет подать на развод, сначала стали отправлять ко мне, и лишь после разговора со мной — к отцу Фоме.

— А о чем вы говорите с ними?

— Во-первых, я задаю им вопрос: «*Что у вас произошло? Что заставляет вас подавать на развод?*» Некоторых этот вопрос удивляет и даже возмущает, потому что люди привыкли, что это их личное дело: захотел — женился, захотел — развелся. Зачем спрашивать?

Я объясняю, что, вступая в венчанный брак, они публично обещали Богу и Церкви хранить любовь и верность друг другу всю жизнь, а тут — «здрасьте». Поэтому, я считаю, вопрос уместен: «*Что у вас произошло?*» Хотя бы потому, что они получат сейчас церковный развод с правом вступления во второй венчанный брак, и где гарантия, что печальная история не повторится? Но чаще всего люди потом даже благодарят за этот разговор — хотя бы кому-то действительно оказалась важна их семейная история, их семейная трагедия, и хотя бы кто-то их выслушал.

— В чем обычно причина расторжения именно церковного брака, по вашему опыту?

— В основном алкоголь и наркотики. Очень часто — насилие, чаще всего мужчина бьет женщину, хотя бывает и наоборот. Ну и, соответственно, часто одно совмещается с другим. Очень распространенная вещь — супружеские измены.

— Но при этом, наверное, есть и те, кто никаких прошений не подает: развелись, и ладно. Раз приходят, значит, предполагают венчаться снова в новом браке, наверное, это для людей не пустой звук?

— Трудно сказать. Мне как-то рассказали об одной женщине, которая была в трех венчанных браках, и ни один из них официально не был расторгнут в епархии перед вступлением в последующий, хотя сейчас она живет одна. Как она утверждает — ни разу при вступлении в новый брак ее не спрашивали о предыдущей жизни — просто записывали на венчание и венчали.

Понятно, что в 90-е годы и в начале 2000-х было модно венчаться, часть людей так «по моде» и повенчались. Помню, в больших городских соборах венчание было поставлено «на конвейер», по несколько пар в день, я сам это видел. Венчание суеверно рассматривалось как гарантия счастливой семейной жизни. Сейчас, мне кажется, отношение к Церкви в обществе, не без участия СМИ, несколько изменилось, причем, к сожалению, не в лучшую сторону. Такой моды на венчание уже нет.

— Глубоко воцерковленные люди — и могут поднять руку на жену, имеют проблемы с алкоголем?

— Как ни странно, да! Кто сказал, что в Церкви все здоровые? Искать в Церкви абсолютно здоровых людей — это такая же ошибка, как искать их в больнице. Люди приходят со своими немощами, они пытаются от них избавиться, но у них бывают и срывы.

Кроме того, мы должны понимать, что семейные проблемы часто даже провоцируются чрезмерной религиозностью некоторых людей, которые, например, ссылаются на «Домострой», на святых отцов, на какое-то свое понимание фразы из 5-й главы Послания к Ефесянам: «а жена да боится своего мужа» и требуют от жен абсолютно беспрекословного послушания. Это форма шантажа: «*Если ты не будешь меня во всем слушаться, то я заставлю себя бояться, по апостолу Павлу имею на это право!*» Бывают и угрозы, и игра на чувстве вины, чувстве долга и так далее.

ЗА МУЖЕМ, А НЕ *ПЕРЕД* МУЖЕМ

— Очень популярные слова, кстати — «жена да убоится мужа». А как их верно трактовать?

— Мужья должны любить своих жен «*как свои тела: любящий свою жену любит самого себя*» (Еф.5:28) — об этом апостол Павел говорит в той же главе. А жена да боится своего мужа, то есть жена должна сама себя сдерживать в попытках быть главной в семье. Изначально мужчина и женщина сотворены как равноценные существа, и в отношениях между мужем и женой не было субординации — она возникнет, по слову святителя Иоанна Златоуста, вследствие грехопадения. А так — они разные, но равнозначные половинки единого образа Божия.

В 3-й главе книги Бытия описывается грехопадение. Я не буду сейчас на этом подробно останавливаться, заострю лишь внимание на том, что наказание Бог изрекает отдельно змею, отдельно Еве и отдельно Адаму. Значит — мужчина и женщина равноценны перед Богом, но находятся в разных телах и несут на себе разные последствия грехопадения. Более точно с иврита это переводится так: «*Многократно усилю боль твою в беременности твоей, через боль будешь рожать детей, при этом будешь испытывать сильное и страстное желание быть* ***над*** *мужем твоим, но это он будет принимать решения относительно тебя*».

Однако, и это важно, в Библии нет заповеди о необходимости силового принуждения жены к страху и подчинению своему мужу.

Наш страх перед Господом — это страх Его огорчить, сделать что-то противное Ему, но не потому, что мы Его ненавидим; а Он, типа, как злодей — ищет повода нас наказать. Мы боимся огорчить Его — Того, Кого мы искренне любим, ибо сказано: «*В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение. Боящийся несовершен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас*» (1 Ин. 4:18-19).

Следовательно, слова «а жена да боится своего мужа» (Еф. 5:33) однозначно следует понимать как «а жена да держит сама себя в благоговении и уважении с любовью по отношению в своему мужу, боясь его огорчить», а мужу сказано в этом же стихе: «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя».

ДУХОВНИК БЛАГОСЛОВИЛ...

— А почему, на ваш взгляд, вообще становится необходимым давление одного супруга на другого? Ведь в брак вступают любящие друг друга люди, вступают добровольно. Притом это люди, знакомые с христианством, которые знают, что надо уступать, любить, терпеть, смиряться друг перед другом. Зачем давить тогда?

— Одна из причин, с которой я столкнулся на выезде по программе «Семейный диалог» Православного объединения «Супружеские встречи», который был в Алма-Ате — это вступление в брак не по своей воле, а по благословению духовника. Причем, как я понял, там это часто практикуется, или практиковалось раньше… Я был этим шокирован, но боюсь, что с этим явлением можно встретиться не только там.

— То есть сам брак — не добровольное решение супругов?!

— Да. Духовник говорит: «*Ты — выходи за вон того, а ты — женись вот на этой, благословляю!*» — и всё. Например, у нас среди участников была пара, где девушка открыто говорила о том, что она всю жизнь любила другого человека и хотела за него замуж, а духовник велел ей выйти за какого-то парня из прихода. Но чуда не произошло, отношения не выстроились.

Опять же, как у нас можно встретить во многих книгах и брошюрках: «*Ослушаться духовника — это страшный грех. Живьем в аду сгоришь, если духовника ослушаешься! Если духовник благословляет, значит, так и надо! Слово духовника (или старца) — это слово Божие — его нельзя ставить под сомнение, ибо послушание превыше поста и молитвы…*» Вот под этим соусом, бывает, люди выходят замуж и женятся, совершенно не думая сами. Причем, если на выезде «Супружеских встреч» мы просим супругов: «*Вспомните время, когда вам было хорошо, когда вы гуляли вместе под ручку, когда смотрели друг другу в глаза, когда мечтали всю жизнь провести вместе, когда просто от того, что вы находитесь рядом, вам было хорошо*», — тут получается, что у этих людей такого даже и не было никогда в их жизни.

Это одна из специфических проблем православных людей. Слава Богу, уже не такая массовая, но она есть.

— Часто советуют мужу и жене иметь одного духовника, и этот совет оказывается разумным и полезным. На ваш взгляд, какова тогда роль духовника в жизни семьи? Насколько он должен вмешиваться в вопросы семейные?

— Задача духовника как священника — исповедовать пару и, если между ними возникают какие-то сложности и непонимания, помочь им их преодолеть. И то, если они согласны на его вмешательство, а лучше, если они его об этом просят. Бывает, просьба о вмешательстве есть, но только с одной стороны. Здесь не очень корректно, на мой взгляд, будет давать советы, обязательные для исполнения обоими супругами.

Даже если обе стороны готовы попросить какого-то вмешательства священника в ситуацию, он не вправе прийти к ним в дом и начать жить их жизнью. Он может помочь им понять причины произошедшего конфликта, например, и дать какие-то рекомендации по выходу из этой ситуации. А в общем, вмешиваться в личную жизнь людей, особенно в интимную сферу, это не корректно.

В наши дни по рукам православных ходят всякие «перечни грехов» от всяких тайных монахинь или «афонско-кавказских» старцев: и там пишется, что интимные отношения должны быть только в такой вот позе и лишний раз ничего трогать нельзя, что интимные отношения возможны только ради чадородия, и всякий половой акт, не закончившийся зачатием ребенка — греховен. Примерно так утверждается в этих странных письменах, и почему-то они оказываются для людей более авторитетны, чем то, что написано в официально изданных церковных книгах, чем святитель Иоанн Златоуст или апостол Павел, который писал: «*Во избежание блуда, каждый имей свою жену, и каждая имей своего мужа*» (1 Кор. 7:2). То есть не только ради чадородия, но и во избежание блуда.

Во-первых, нигде в Священном Писании не сказано, в какой позе супругам вступать в интимные отношения, что им трогать при этом, а что — нет. Сказано: «*ложе нескверно*» (Евр. 13:4). Во-вторых, вообще подробности интимной жизни, а также блудных грехопадений, неполезно исповедовать, потому что воспоминание подробностей, вместо покаяния, рождает разжение плоти, желание вновь грех повторить, да и зачем духовнику слышать о таких вещах? Духовник не вправе влезать в пределы супружеского ложа. Эта сфера, на мой взгляд, должна быть закрыта даже от него, если, разумеется, речь не идет о каких-то иных вещах — о насилии, например.

ЗАРПЛАТУ ОТДАЛ — ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СНЯЛ

— Какие бы вы еще назвали «болезни» брака, особенно характерные для православных?

— Здесь можно говорить о некой общей болезни, которая особенно касается российских мужчин, но отчасти и женщин: называется она словом «инфантилизм». Закладывается она, когда человеку с детства говорят, что хороший ребенок — это послушный ребенок. Ребенок, естественно, пытается искренне делать то, что от него взрослые ждут, пытается быть хорошим, послушным мальчиком или послушной, хорошей девочкой.

Для родителей послушный ребенок удобен, но послушный ребенок — это безынициативный ребенок, послушный ребенок — это безответственный ребенок, он просто хороший исполнитель того, что требует папа или мама. Потом, на каком-то этапе, начинается подростковый бунт — человек пытается выйти из-под этого тотального контроля. Но, в общем и целом, получается так, что идея «хороший ребенок — послушный ребенок» остается у такого человека в подсознании и в дальнейшей жизни.

— Как это сказывается на семейной жизни?

— Ребенок вырастает, он становится уже молодым дядей, но… все время ждет, что кто-то за него примет решение, кто-то скажет, как ему поступать. Он ищет этого! Самое интересное, что порой он ищет этого в своей супруге, то есть супруга ему в каком-то смысле заменяет маму. «*Мама меня поила, кормила, за меня все решения принимала, а тут появилась "новая мама", просто помоложе, с ней можно даже в интимные отношения вступать, а еще она меня напоит, накормит и все решения примет, а я ей буду зарплату отдавать*» — примерно так. Это такая форма мужского инфантилизма.

— Есть какие-то исторические, социальные причины, которые ее обусловили?

— Об этом можно много рассказывать, но могу сказать, что главным образом на это повлияла Вторая мировая война. В нашей стране сталинские репрессии, Великая Отечественная война выкосили лучший мужской генофонд, а женщин приучили к идее «я должна быть сильной». Это форма психологической травмы у многих женщин: «что делать, жизнь такая», «я должна быть сильной», «мужики такие пошли, ничего не поделаешь!»

Получается, что, с одной стороны, мама детям говорит: «Наш папа — самый главный в семье», потому что где-то внутри у нее тоже есть понимание, что мужчина должен быть главным. Но, с другой стороны, фактически все решения принимает она, ему по-настоящему не доверяет, бразды правления, решение финансовых вопросов мужу не отдает, принуждает его отдавать ей всю зарплату. Даже если он не алкоголик, зарплату не пропивает. Таким образом, доверия нет. Особенно если папа зарплату отдавал маме, для сына это - норма жизни с детства, он так и поступает в своей собственной семье.

— Это действительно принято почти во всех семьях. Но вроде бы и логично: женщина ведет хозяйство, знает, чего и сколько нужно купить, поэтому и распоряжается деньгами. Это неверно? Почему, на ваш взгляд, финансами должен ведать мужчина?

— Кто сказал, что хозяйство ведет женщина? Как раз в нормальной семье хозяйство ведут все, включая детей. А тут получается психологическая ловушка, ее механизм такой: мужчина зарплату отдал — ответственность с себя снял. Женщина деньги у мужа взяла, теперь за хозяйство и выживание семьи отвечает она. Ведь тот, у кого деньги, кто контролирует их расход, тот знает, как и чем живет семья, но он же за нее и отвечает. Если деньги у папы, и он их выделяет на продукты, на тетради для детей, на одежду, на обувь, то он тоже живет жизнью семьи.

А так — деньги жене отдал, пусть она их тратит, как хочет, лишь бы меня голодным не оставила (опять же — как мама в детстве). А я — пошел пить, гулять, на рыбалку, в гараж...

— Если оба работают и приходят примерно в одно время с работы, уставшие, то совершенно не факт, что домашние дела — это женская обязанность...

— Да, не факт, что только женская. Приходится договариваться. Опять-таки, мы живем в те дни, когда можно просто загрузить посуду в посудомойку, нажать кнопку — и все. Тип жизни изменился. В наши дни женщина запросто может заработать денег сама и нанять бригаду узбеков-таджиков, чтобы они ей дом построили или колодец вырыли…

В наши дни, когда профессия родителей вовсе не определяет профессию детей, когда традиции давно утеряны, и мы о них узнаем, в лучшем случае, только в музеях, нам неоткуда научиться, как выстраивать отношения друг с другом. По умолчанию это уже не работает!

— Но посмотрите: к патриархальному строю пытаются вернуться как раз многие верующие люди. И не только православные: например, есть протестантские авторы, которые настаивают на том, что женщине желательно не работать, а заниматься только домом, детьми...

— Мы должны понимать, что поскольку ситуация в обществе изменилась, для того, чтобы вернуться к изначальному патриархальному укладу, который был много тысяч лет на Руси и в других странах, нужно, чтобы резко упал социальный и образовательный уровень женщины. Сами женщины на это не согласятся и, в принципе, это уже немыслимо в наши дни. Значит, нужно понимать, что приходит время какому-то другому типу отношений, которому не было аналогов в истории.

В советские годы тоже возник особый тип отношений — детоцентричная семья, когда все ради ребенка, все во имя ребенка, причем чаще всего в семье ребенок один, максимум — два. Цель — поднять его и «причинить» ему счастье! Как раз из таких семей инфантильные дети потом и вырастают, на самом деле. Я вырос в такой семье, как, думаю, и большинство советских людей. Вот тебе, милый, лучший детский садик, лучшая школа, вот тебе по блату — поступление в институт, вот тебе то-се… а чего сам добился в жизни, чего сам достиг?

Более того, когда такой ребенок пытается жениться или замуж выйти, мамочка активно не пускает. Если пустила, то потом активно в жизнь новой семьи вмешивается. Особенно, если они живут вместе, в одной квартире, из-за этого долгое время не могут стать отдельной, независимой семьей. И классическая манипуляция: «***Мужей у тебя может быть много, а мать у тебя одна!***»

— Патриархальный уклад, многодетность от детоцентризма точно спасает. Разве нет?

— Патриархальный уклад — совсем не панацея от проблем, это точно. В современной ситуации, когда женщины образованы не хуже мужчин, могут зарабатывать не меньше, а то и больше них, когда есть социальная поддержка и пенсионная система, когда традиции утрачены, получается, скорее, игра в патриархальную семью. Насколько я знаю, часто и в таких патриархальных семьях, при наличии многих детей, браки распадаются, особенно когда дети подрастают. Зависимость мамы от грудного ребенка максимальная, а когда ребенок уже более или менее самостоятельный, тут-то и выясняется, что «*я тебя никогда не любила*» — и семьи распадаются.

Чаще, конечно же, супруги любили, но с годами уже забыли, «как это», потому что жена посвятила всю свою жизнь детям, муж — работе, карьере, потому что на эту семью нужно было зарабатывать. В итоге самих отношений между ними так и не возникло. Дети выросли и ушли, а они не понимают, зачем вообще оставаться вместе…

(Окончание на стр. 7)

«Все! Я от тебя ухожу!..»

Протоиерей Александр Дягилев.
Фото: globus.aquaviva.ru

(Окончание. Начало на стр. 6)

БРЕШЬ В ОТНОШЕНИЯХ РАЗМЕРОМ С РЕБЕНКА

— А куда исчезают отношения? Люди ведь именно ради отношений женятся и выходят замуж — любят друг друга, тянутся друг к другу. Появляются дети, семья растет, жена воспитывает, «спасается чадородием», муж работает, все это естественный ход событий — а самое главное, любовь, уходит. Почему?

— Насчет выражения «*женщина спасается чадородием*» не все так однозначно. Скажем, в свое время из-за этого сложилась скандальная ситуация, когда отец Ианнуарий (Ивлиев) — один из специалистов в области новозаветных текстов, преподаватель Санкт-Петербургской духовной академии, очень хорошо владеющий древнегреческим языком — разбирая этот текст, показал, что там говорится немножко о другом.

По его версии, понимать текст следует так: женщина спасается, несмотря на чадородие. Не в том смысле, что чадородие вредит спасению, конечно же. Если посмотреть сам текст, там сказано: «*Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем, спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием*» (1 Тим. 2:13-15).

В общепринятой трактовке получается, что сам факт чадородия спасает: рожай и спасешься. А отец Йаннуарий предположил другое: по тексту получается, что женщина, рожая детей, уже не может принимать такого активного участия в миссии, много молиться, оказывать поддержку неимущим, как могла бы, если бы не было детей. Она вынуждена вкладывать много сил в детей, в житейские заботы и меньше — в духовную жизнь, но, несмотря на это, она спасается. Бог проявляет к ней особую милость, учитывая сам факт того, что у нее много детей, однако при условии проявления ею веры, любви и святости с целомудрием.

Спасает же именно вера, любовь, святость и целомудрие, несмотря на чадородие и связанные с этим житейские заботы.

Кстати, греческая частица διά имеет много значений, поэтому текст может быть переведен как «за чадородие», «через чадородие», «в чадородии», «в течение чадородия», а также «для чадородия» и «несмотря на чадородие». Фраза еще может быть переведена как «ради рожденного чада» или «через рожденное чадо», то есть — если из ребенка вырастет благочестивый христианин, то благодаря этому будет спасена и мать. Речь в этом случае идет не о физиологическом процессе родов, а о рождении человеческой личности, о воспитании ребенка в вере и благочестии.

— Все-таки создается впечатление, что дети часто становятся препятствием в построении и поддержании отношений между супругами, что это два разных полюса…

— Просто у многих есть такое представление, что, когда появляются дети, то отношения автоматом должны стать лучше. Я знаю даже, что некоторые рассматривают появление детей как способ улучшения ситуации в семье. То есть, если что-то у нас пошло не так — надо нам ребеночка родить, Господь через ребеночка нас как-то сблизит, и у нас все станет хорошо. Но, на самом деле, если в отношениях между мужем и женой есть некая брешь, то ребенок ее скорее только усилит.

Не потому, что ребенок плохой, просто он неизбежно оттягивает на себя внимание — прежде всего, внимание матери. А нормальный, ответственный отец чаще всего при появлении ребенка неизбежно усиливает свои старания в сфере зарабатывания денег. Получается, что муж и жена начинают заниматься разными делами. И брешь между ними растет, стена между ними начинает расти - можно любой образ использовать — совершенно незаметно для них самих.

Поначалу, вроде бы, все происходит, как и раньше. Но интимные отношения происходят все реже или они вообще исчезают; поговорить по душам становится некогда — муж уходит рано утром на работу, когда жена и ребенок *еще* спят, а приходит поздно, когда жена и ребенок *уже* спят. Получается, они могут неделями практически не видеться!

Если муж верующий, он каждую субботу вечером и каждое воскресенье утром ходит в церковь, а супруга с маленьким ребенком не может себе этого позволить. В итоге даже в выходные дни они почти не видятся, у них нет времени поговорить. И на каком-то этапе ему просто становится неинтересно, чем живет она — все эти памперсы, болячки, детские садики. Ему деньги надо зарабатывать, он в этом видит свою сферу ответственности. А ей не очень-то интересно, что у него там на работе происходит: какие отношения складываются с начальником, с подчиненными, какие у него там планы, как он всякие технические вопросы решает.

Так что в какой-то момент супруги признаются, что они как будто живут в коммунальной квартире: да, живем под одной крышей, да — у нас общая кухня, да — иногда общаемся, да — даже иногда интимные отношения бывают, но духовной и душевной близости нет, понимания нет, мы не знаем друг о друге практически ничего! Вот что происходит.

— Вы хотите сказать, что муж должен участвовать в воспитании ребенка, а жена — интересоваться рабочими делами мужа?

— Да, обязательно, они не должны жить параллельными жизнями, и для этого требуется проявлять усилие, сознательно находить время для того, чтобы делиться обстоятельствами своей жизни и выслушивать, когда делятся с тобой, глубоко вникая в суть и обстоятельства, а также в чувства.

БОЛЕЗНЕННЫЕ ТЕМЫ — А МОЖНО БЕЗ НИХ?

— Все начинается с неумения общаться, так?

— Совершенно верно. А попытки выстроить диалог самостоятельно приводят еще к большим скандалам. Допустим, один раз попробовали какую-то болезненную тему проговорить — не получилось, вместо разговора — поругались. Значит, в следующий раз эту тему просто не трогаем. Зачем? Иначе еще раз поругаемся! И количество таких больных тем растет, растет с каждым годом, с каждым разом, когда мы поругались. И вот эта тема — табу, эта тема — табу, эта тема — табу. В итоге нам просто не о чем поговорить. А даже если и хочется о чем-то поговорить, то страшно, потому что боимся в очередной раз поругаться. Это то, как люди живут.

— Отец Александр, разве не может быть между мужем и женой табуированных тем? Ну он болеет за Спартак, она за ЦСКА — какие тут компромиссы? Разные у них взгляды на политику или на веру: один супруг — неверующий, другой — верующий, разве они могут найти точки соприкосновения в этой области?

— Понимаете, эти табуированные темы — как нарывы, которые могут закапсулироваться: внутри, полные гноя, и, чуть что не так, они прорвутся и вызовут заражение крови. Поэтому даже эти больные темы надо проговаривать. Нет, никто не говорит, что неверующий должен стать верующим, или что верующий должен стать неверующим! Но о том, как вместе жить с разными мировоззрениями, нужно говорить. Искать компромиссы, искать какие-то точки взаимопонимания.

— А вы сталкивались на практике с парами, которые прекрасно уживаются, несмотря на разные мировоззрения?

— Чаще все же, если они проявляют усердие, любовь, заботу друг о друге и вместе живут, то неверующий к вере приходит. Кстати, очень часто кто-то из супругов первый раз в жизни причащается именно на выезде "Супружеских встреч" и, что радует, потом начинает причащаться регулярно. Так что у наших программ оказывается еще и миссионерский эффект.

Конечно, когда есть конфликт ценностей, здесь крайне сложно помочь людям. Но, тем не менее, надо понимать, что табуированные темы — это мины замедленного действия, которые могут взорваться много-много лет спустя. К тому же сам факт наличия этих тем рождает недоверие друг к другу. Как показывает практика, если удается помочь людям проговорить эти табуированные темы, правильно проговорить, то обычно изменяются и отношения друг с другом.

— Можете привести пример — как это, проговаривать правильно? Есть какие-то правила таких разговоров?

— Скажем так, на наших программах — есть две программы: «Счастье навсегда» — для подготовки к вступлению в брак, и «Семейный диалог» — это программа по работе с семейными парами — и там, и там мы говорим участникам, что есть четыре принципа диалога. И если разговор вместо проговаривания ситуации, нахождения выхода из ситуации превращается в скандал, в крик, заканчивается обидой, то это первый признак того, что нарушен какой-то из этих принципов. А может быть, сразу два, или три, или все четыре.

— Что это за принципы?

— Слушать, прежде чем говорить; делиться, а не спорить; понимать, а не оценивать; и, прежде всего, прощать.

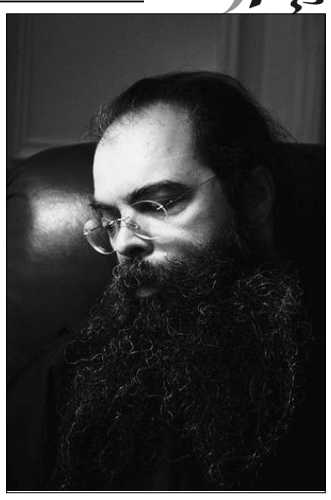
Например, мы участникам «Супружеских встреч» даже рекомендуем эти принципы диалога повесить себе на холодильник и сверяться с ними, чтобы понять, что идет не так. У меня, например, они написаны на кружке, из которой я чай пью, я постоянно вижу их перед собой.

— Что, например, значит «делиться, а не спорить»?

— Это очень просто. Когда у двух людей разные точки зрения по какому-то вопросу, то у них может возникнуть настоящий спортивный азарт протолкнуть именно свою точку зрения, выиграть спор через логические аргументы, психологические манипуляции, или просто через крик и давление — у кого раньше нервы сдадут. Для кого-то это вопрос власти, для кого-то личных амбиций. Многим мужчинам бывает тяжело признать, что «*я могу быть не прав, а женщина — права*», и наоборот. Важно, чтобы мое слово было последним и было принято любой ценой! При этом истина остается за бортом, и никого не интересует. На самом деле в споре истина не рождается, она рождается в диалоге.

http://www.pravmir.ru/ya-ot-tebya-uhozhu/

Один человек, много раз бывавший на Афоне, как-то сказал: «*И что толку в том, что я езжу туда так часто? Моя жизнь всё равно не меняется!*» Потому что самое главное — это внутренние изменения, говорит мудрый архимандрит Андрей (Конанос).



Архимандрит Андрей (Конанос)

«Я-то хороший, а он — нет!..»

В жизни случаются удивительные вещи. Годы, отпущенные нам Богом на земле, очень важны. В них сокрыта огромная тайна. У всех нас есть предназначение. Перед каждым стоит уникальная цель, и, потеряв эту цель, мы утрачиваем и всё остальное.

Не существует никаких гарантий. Поэтому некоторые святые отцы и сравнивают христианина с канатоходцем. В детстве я видел в цирке таких акробатов. Они осторожно идут по канату к противоположной стене. Одно неверное движение — и ты летишь вниз.

Да, обычно есть страховочная сетка, но однажды я видел, как канатоходец не удержался, и это было так страшно, что зрители в ужасе закричали.

Так и в Церкви. Мы все ходим по канату, и нужно быть очень внимательными, потому что это опасное занятие. Да, ощущение полета и легкости прекрасно, но необходимо дойти до конечной точки, чтобы оказаться в безопасности.

Некоторые атеисты в итоге обращаются к Богу. И, заблудшие, измученные, запутавшиеся в своих теориях и мыслях, теперь они со Христом. А многие христиане, выросшие в Церкви, с легкостью забывают о Нем и уходят. А ведь когда-то им казалось, что они любят Христа…

Жизнь - это море. И жизнь в Церкви - тоже море. Вот почему, молясь Пресвятой Богородице, мы называем Ее «пристанищем житейских плаваний». «Радуйся, Пристанище житейских плаваний!» (из акафиста Пресвятой Богородице — **прим. перевод.**)

Все мы ищем тихую гавань, куда можно направить свой корабль в житейском море. Всем нам необходим причал, потому что, пока якорь не брошен, нельзя быть уверенным в своем спасении.

Во время Великого поста даже поется такая молитва: «*Переплыв половину моря воздержания, мы найдем спасительную пристань… Удостой нас, Человеколюбец, увидеть и день славного Твоего воскресения*» (молитва в субботу 4-й седмицы Великого поста — **прим. перевод.**)

Мы постимся, а затем вкушаем богатые яства — но не земную, а небесную пищу, Тело и Кровь воскресшего Иисуса, Победителя смерти. Победителя любой непогоды, любого страха и неуверенности. Дай доплыть нам, Боже!

Переплыть море воздержания. Что означают эти слова? Мы не уверены в том, что доплывем, не утонем. Поэтому не следует думать, что это совсем нетрудно и с нами всё будет в порядке. Нет. Мы входим в открытое море — и теперь надо быть очень внимательными. В борьбе с волнами необходимы благоразумие, рассудительность, трезвение. Плывем аккуратно и смотрим в оба, потому что неизвестно, откуда появится опасность.

Нет, не нужно тревожиться и тем более паниковать. Важно просто следить за тем, чтобы труд не был напрасным. Будем как херувимы, которых изображают с множеством глаз — внизу, наверху, спереди, сзади… Будем такими же пламенными, огненными херувимами, внимательно оглядывая свой путь. А самоуверенность может привести к поломке корабля и его крушению, после чего придут сожаление и скорби.

Один человек, много раз бывавший на Афоне, как-то сказал: «*И что толку в том, что я езжу туда так часто? Моя жизнь всё равно не меняется!*» Но ведь самое главное — это внутренние изменения. В противном случае самые прекрасные вещи, которые происходят с нами и должны бы способствовать спасению, могут привести к кораблекрушению. Тихая гавань может оказаться местом разочарования и катастрофы.

Как говорят афонские старцы про тех, кто приезжает на Афон и при этом не извлекает для себя никакой духовной пользы: «*Жалко, зря потратил деньги на билет!*» Ездишь туда-сюда, а что толку? Есть ли перемены? Вот что важно. Хорошо быть церковным человеком, но надо жить так, как хочет Бог, а не успокаивать себя словами: «*Всё равно я хороший*».

Мы, христиане, несем огромную ответственность, проповедуя Евангелие. Но лишь единицы из нас являются христианами на деле, нося в сердце Христа. А большинство только называются, являясь не такими, какими следовало бы быть. Мы не даем людям представления о тихой гавани — Христе. О внимании, рассуждении, трезвении, бдительности. Люди смотрят на нас — таких благочестивых и идеальных — и не видят раскрытых объятий, не видят, что в Церкви может спастись каждый, что все мы — братья. И что даже если ты, брат, сегодня грешен, то знай: вчера я был таким же, даже хуже. Но Бог помог мне, привел к Себе, и тебя Он приведет к Себе так же, потому что может всё. Говорим ли мы такие слова? Нужно обязательно давать людям надежду, а не заниматься самооправданием и самовнушением о собственном спасении.

Св. Исаак Сирин рассказывает о враге нашего спасения страшные вещи. Диавол постоянно воюет с нами — самыми разными способами. Во-первых, он не дает людям стать христианами. Не дает им изменить свою жизнь.

Он хочет, чтобы мы продолжали жить так, как живем сейчас. Ненавидим кого-то — пускай ненавидим и дальше. Не знаем Бога — пусть и дальше Его не знаем. Диавол не хочет, чтобы человек вышел из мрака, духовной слепоты, злобы, ненависти и страстей. Он хочет, чтобы мы всегда оставались там.

А если всё-таки удается вырваться и устремиться к Богу, то диавол делает всё, чтобы человек не продолжил идти по верному пути. «*Ага, сейчас ты убежал от меня,* — говорит он. — *Но ничего, мы еще встретимся. Я обязательно появляюсь на следующем перекрестке твоей христианской жизни. Думаешь, от меня так легко убежать? Так легко превратиться из грешника в христианина? Не-е-т, я не оставлю тебя в покое до самого конца! Буду подбрасывать тебе трудности, проблемы, разочарования — чтобы в конце концов ты сказал: "Не могу больше! Христианином мне так и не стать. Это очень трудно. Всё равно ничего не меняется. Пришел в церковь раз, другой, третий — а всё как и прежде…"*»

Вот откуда появляется разочарование, уныние, желание вернуться к прежней жизни. Но если преодолеть это искушение и продолжить борьбу за то, чтобы жить по-христиански, то враг и тут не успокоится. Св. Исаак Сирин говорит, что в таком случае диавол старается отобрать результат нашей духовной борьбы. Это уже третий этап его войны с человеком, таящий в себе большую опасность.

Враг уже не препятствует духовной жизни, но пытается осквернить, а затем и уничтожить то, что приобретено на этом пути. Он внушает тщеславие и самоуверенность: «*Ты-то хороший, а вот он — нет!*»

Происходит постоянное самоуспокоение, и человек начинает думать: «Слава Богу, я хороший. Другие — не такие. В нашем доме я — единственный христианин! Ведь никто из соседей не молится, а я молюсь. Никто не ходит в церковь по воскресеньям, а я хожу. Никто не постится, ни у кого нет такой прекрасной семьи с замечательными детьми, как у меня…» Разве мы не думаем так? Да, хорошо, если всё это действительно имеет место, но нужно жить такой жизнью без тщеславия, которое делает все наши старания напрасными. Созидай, но помни, что тщеславие, надменность и гордыня разрушают всё, что ты делаешь.

http://www.pravmir.ru/pereplyit-more-vozderzhaniya/

Игумен Силуан (Туманов)

ЧЕГО ЖДЕТ ХРИСТОС?

Просил ли нас Христос выучить наизусть все Евангелие? Нет.

Просил ли нас Христос каждый день ходить в храм? Нет.

Просил ли нас Христос посты соблюдать? Нет. Более того, Он сказал: «Будете поститься, когда отнимется от вас Жених. А Я с вами до скончания века».

А что Он просил?

Будьте совершенны, имейте любовь между собою.

И мне гораздо обиднее, что вот это последнее не тяну.

И совсем не обольщаюсь по поводу своего достоинства и пробуждения от греховного сна, соблюв пост и прочитав молитвы...

МОЛИТВА СОЧТЁТСЯ ЗА ГРЕХ?..

...Однажды преподобный Гавриил (Ургебадзе) задал нам вопрос:

— Что значит «Молитва зачтётся за грех»?

— Наверное, неправильно молились, — ответили мы.

— Нет, правильно молились — сказал старец.

— Наверное, молитва не исходила из сердца...

— Из сердца исходила!!!

— Наверное, рассеянно молились.

— Тоже мне, возомнили, стали святыми, рассеянность каждому из нас присуща.

Не угадав, мы попросили старца пояснить нам.

— Сейчас объясню, — сказал батюшка.

В это время пришёл к нему один верующий за благословением. Отец Гавриил попросил его оказать услугу, но молодой человек отказал ему в ней, ссылаясь на занятость:

— Сейчас не могу, а потом посмотрим, — и удалился с этими словами.

— Сейчас он пойдёт и будет молиться пять часов подряд, а примет ли Господь его молитву, если он отказал мне в помощи? Не будете заповедей Божиих соблюдать - нечего и Бога беспокоить вашими долгими молитвами, не услышит вас Господь, да и молитва ваша сочтётся вам во грех. Добрые дела откроют двери рая, смирение введёт вас в рай, а любовью узрите Бога. Если за молитвой не следуют добрые дела, молитва мертва, — говорил старец.

Алексей Плужников

«А ВЫ, БАТЮШКА, ПРАВОСЛАВНЫЙ?!»

Может, я уже приводил эту историю, но она настолько фундаментальная, что не грех и повторить. История от отца Михаила, нашего скромного подвижника:

«Отпеваю я у себя в храме. Всё, как положено: отпел, земельку благословил. По обычаю начал говорить проповедь. Когда упомянул слово «Евангелие» — народ, чувствую, напрягся... Говорю дальше. Произнёс слово «Христос»... Тут народ совсем заволновался, один говорит:

— Батюшка, а Вы вообще-то православный?!

Теперь я заволновался, соображаю на ходу: так, епитрахиль вроде не забыл надеть... Может, то, что хвостик на затылке подстриг, смущает?..

— А что такое? — спрашиваю.

— Не, Вы точно православный? Мы, конечно, деньги вам заплатим, но лучше ещё раз сходим в собор, повторим для надёжности.

— Да что случилось-то?!!

— Вы, батюшка, если православный, так и ведите себя ПО-ПРАВОСЛАВНОМУ!! Кадилом там помашите, что ли, а то завели тут что-то непонятное: «Евангелие», «Христос» — как баптист какой-то!!!»

Прекрасный Божий мир. День. Фото Виктории Ползиковой.

НЕ ОЧЕНЬ СМЕШНО

Игумен Силуан (Туманов)

«ПРОПАДАЕТ БЛАГОГОВЕНИЕ?»

Нельзя часто причащаться, говорят, а то привыкаешь. Пропадает благоговение. Да, наверное, правильно.

Поэтому:

— Нельзя часто молиться — привыкаешь. Пропадает благоговение.

— Нельзя часто ходить в храм — привыкаешь. Пропадает страх Божий.

— Да и вообще. Часто видеться с женой нельзя — привыкаешь. Пропадает любовь.

— Родителей не надо баловать вниманием — привыкаешь, перестаёшь относиться с уважением.

— Детей надо менять или встречаться с ними четыре раза в год и в День Ангела, а то привыкаешь.

— Дышать часто не надо — привыкаешь.

— Есть часто не надо — четыре раза в год и на Пасху! Ой, на Пасху тоже нельзя. Значит, в День Ангела только. А то пропадает благодарность Богу за хлеб насущный.

— А пить вообще раз в год! А то пропадает жажда!

Так может это неплохо — привыкнуть к хорошему?

Андрей Десницкий

ВНУТРЕННИЙ СВЕТ И РАЗДРАЖЕНИЕ

Тридцать лет назад я заметил одну закономерность (не без исключений, но в целом так): если человек говорил о Православии, в нем загорался внутренний свет. Этот человек обладал чем-то таким, что давало ему силу и спокойствие, даже если он был очень слабым и нервным. И это привлекало других.

Сегодня я замечаю другую закономерность (тоже не без исключений): как только человек заговаривает о «православии», он становится раздражительным и нарочито самоуверенным, он ищет врагов и навешивает ярлыки. И это отталкивает.

Наверное, изменилось и мое восприятие. Но и реальность, без сомнения, тоже.

Петр Боев

ПРОКЛЯТИЕ ГОРДОСТИ

Отцы никогда не искали гордости или гордого, потому что это можно делать только в состоянии осуждения. Но современные христиане очень любят это делать, ссылаясь на отцов и их наставления. Но кому говорились эти наставления? Прямым адресатам, тем, кто спрашивал. Приходящие не спрашивали о других, но лишь о себе. Если ты спрашиваешь у наставника о других, тем более об их немощах, ты искушаешь наставника. И этого-то простого правила не могут понять современные прозреватели гордости и тщеславия в окружающих их людях.

Но если люди так настойчиво ищут тех, кто пребывает в гордости, то с чем это может быть связано? Лучше всего получается не заметить гордость в себе в том случае, если замечаешь ее в других. Если тот, кто напротив, - горд, то я - нет, и, кроме того, благочестив, потому что могу изобличить человека в гордости. Другими словами, я смиренно ищу виноватого, и поэтому то, что я делаю, есть подвиг. Человек думает, что он в смирении, а на самом деле он и есть сама гордость, которая в нем программно меняет свои внешние признаки и ускользает. Смиренный не ищет гордых, потому что ему не нужно обоснование своего смирения.

Если вдруг ты обнаруживаешь подобное в себе, важно не начать расставлять точки над «i». Стоит только начать это делать, как выбиратель обязательно найдёт того, кто станет причиной сбоя. Или я в гордости, или в ней — он, а на самом деле для преображённого нет гордости, но есть лишь отсутствие любви. Гордость — это характерное состояние проживания жизни, которое имеет свои причины. Она появляется из вполне благочестивого желания быть хорошим и делать других такими же. Для выхода из этой системной ошибки необходимо позволить себе допустить, что гордых нет, как это делает Бог, любя нас всегда. Это очень опасный шаг, но когда ты его делаешь, жизнь становится настоящей, и ты, действительно, становишься свободным.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ ПРЕДОТВРАТИЛИ СУИЦИД ШКОЛЬНИКОВ

Около 30 жизней спасли полицейские из Перми, предотвратив массовый суицид группы местных школьников.

Массовое самоубийство посредством прыжка с крыши должно было стать финальной частью онлайн-игры, в которую учащиеся были затянуты через социальные сети, сообщает пермское издание «НеСекретно».

— Мы получили информацию, что дети из Кировского и Орджоникидзевского района стали участниками игры в Интернете. Нужно было проходить туры, в течение которых ребенок психологически подготавливался к суициду. В полночь — финал игры — массовый суицид с одной из крыш города, — рассказала начальник отделения организации деятельности подразделения по делам несовершеннолетних ГУ МВД по Пермскому краю **Татьяна Кандакова.**

По ее словам, специалистам МВД с помощью волонтеров удалось установить всех участников и предотвратить трагедию.

http://foma.ru/permskie-politseyskie-predotvratili-massovyiy-suitsid-shkolnikov.html

ГАЗЕТА-2017

Дорогие друзья!

Наша миссионерская газета выходит исключительно благодаря помощи добрых людей.

Помолитесь о схиигумене Гавриеле со чадами, о рабе Божием Василии со сродниками и с сотрудниками, о протоиерее Андрее, Павле с сотрудниками и сродниками и обо всех, чьей молитвой, лептой и иной помощью выходит в свет «Православная газета для простых людей».

Газета издается по мере накопления средств — ориентировочно 3 раза в год. ПРОСИМ ПРИСЛАТЬ ВАШИ ЭЛЕКТРОННЫЕ АДРЕСА (у кого они есть) для рассылки газеты в формате PDF. Распространяется она бесплатно по храмам, среди миссионеров, военнослужащих, заключенных, пенсионеров, малообеспеченных и всех, кто нас просит об этом.

У кого есть возможность — жертвуйте на издание по адресу: 601650, г. Александров Владимирской области, ул. Ануфриева, дом 1, кв. 120, ДОБРОСОЦКИХ Алле Алексеевне. Контактный телефон 8-919-003-69-99. E-mail: alladob1@gmail.com

- Редактор Алла Добросоцких.
- Компьютерная верстка: А.Семенкович.
- Газета зарегистрирована в комитете по печати РФ. Рег. №015472 от 29.11.96.
- Сдано в набор 30.05.2017. Подписано в печать 24.06.2017.
- Отпечатано в типографии Патриаршего издательско-полиграфического центра, г.Сергиев Посад.
- Тираж 4000 экз. Заказ
- E-mail: alladob@mail.ru; электронная версия: www.pravgazeta.ru; www.xramserafima.ru/sofiya/gazeta.html
- Адрес для писем и подписки: 601 650, г. Александров Владимирской обл., ул. Ануфриева, 1–120, Добросоцких Алле Алексеевне.
- Контактные телефоны в Александрове (49244) 2-03-00, 8-919-003-69-99.
- Точка зрения авторов не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Используйте газету только для чтения! Если она стала вам не нужна — подарите ее другому или передайте в библиотеку храма